

Босиком по Нью-Йорку

Петро Немировский

Очерки

Не любить Нью-Йорк нельзя. Потому что в этом городе каждый может найти то, что ему нужно для счастья: деньги, друзей, одиночество. Любой человек, очутившись в Нью-Йорке, рано или поздно откроет здесь место, поразительно похожее на его родной город. И встретит земляков. И почувствует здесь себя, как дома. Хотя время от времени ему будут напоминать, что он здесь гость.

Нью-Йорк — место постоянных перемен. И самых неожиданных встреч. Люди здесь открыты, легко делятся своей болью и радостью.

Этот город нельзя понять, сидя в туристическом автобусе. Чтобы познать Нью-Йорк, нужно по нему пройти десятки миль, спуститься летом в час пик в подземку, в это пекло; повалиться на зеленой лужайке, на набережной Гудзона, в тени небоскребов; постоять зимой на промозглом ветру на Таймс-сквер в очереди за билетами на бродвейское шоу. Нужно ходить, сменяя одну пару стоптанной обуви другой.

Разбирая свои журналистские архивы, я пришел к выводу, что некоторые очерки, собранные вместе, приоткрывают Нью-Йорк по-новому, знакомят читателя с примечательными подробностями жизни Города Большого Яблока.

Очерки размещены не в хронологическом порядке. Составляя этот сборник, я исходил в первую очередь из принципа разнообразия, чтобы читатель мог почувствовать, насколько сложна и противоречива жизнь Нью-Йорка.

Это публицистика. Некоторые описанные события случились давно, некоторых людей, о которых идет речь, увы, уже нет в живых.

Но читать все равно интересно.

СОДЕРЖАНИЕ

1) "Век скоро кончится, но раньше кончусь я"

(Прощание с Иосифом Бродским)

2) Героин для Кришны

3) Князя и баронов женском монастыре

(Женский монастырь Ново-Дивеево)

4) Марионетки

(Художник и режиссер Валерий Бояхчан)

5) О бедном таксисте замолвите слово

6) Кошмар на улице Святого Марка

- 7) Тюремный эскулап
(Тюремный врач Аркадий Сноль)
- 8) Эребуни на Гудзоне
- 9) Арестуйте моего сына!
- 10) В ночь на Рождество в Джорданвилле
(Мужской Свято-Троицкий монастырь)

"Век скоро кончится, но раньше кончусь я"

Прощание с Иосифом Бродским

"Спокойный" день в Бруклин-Хайтс

Район Бруклин-Хайтс — один из древних уголков города, если, конечно, рассматривать понятие древности в ретроспективе двухсот лет. Здесь находится множество исторических строений, немало интересных и красивых мест. Вот, к примеру, Бруклинский мост — символ Нью-Йорка, соединивший берега Бруклина и Манхэттена. А там — здание почты, построенное более ста пятидесяти лет назад; рядом — юридическая контора, основанная на деньги китайских купцов. Проходя по этим тихим и чистым (сравнительно с другими в городе) улицам, обращаешь внимание на церкви и костелы, которых здесь, бесспорно, больше, чем в других местах. Попад в Бруклин-Хайтс, даже не зная истории, ощущаешь его особость и обособленность.

Вероятно, поэтому в Бруклин-Хайтс селились известные писатели и художники, те, кто занимался настоящим искусством, избегая шумных богемных тусовок. На улице Кранберри жил Уолт Уитмен, на Ремсон — Генри Миллер, на Монтею — Томас Вулф и многие другие: Трумэн Капоте, Дос Пассос, Артур Миллер. Здесь легко найти уединение на набережной Ист-ривер, вдалеке от визгливых улиц Манхэттена.

Наверное, это была не последняя причина, почему Иосиф Бродский решил поселиться именно здесь — на улице Пьерпонт.

...В тот день шел снег. Колочую снежную крупу несло ветром вдоль улиц, мимо церквей, мимо ресторанов, мимо закрытых дверей особняков, мимо припаркованных автомобилей — к реке.

Возле самой набережной стоит дом, в котором Иосиф Бродский жил последнее время и где он умер. На входной двери его квартиры висел венок. И было непонятно, то ли венок остался после Рождественских праздников, то ли его прикрепили в знак траура по умершему. В остальном же ничто не свидетельствовало о том, что за этими дверьми на втором этаже — уже навсегда умолкший поэт. На мой звонок никто не отозвался.

Может быть, стремление Иосифа Бродского к уединению, ко всему, что он называл "частностью бытия", сыграло не последнюю роль в том, почему его уход почти не был замечен окружающими — теми, кто жил с ним на одной улице. Хотя почти все, кого я

ни спрашивал, знали, что где-то рядом с ними проживал Нобелевский лауреат. И милая девушка Трэйси, открывая двери соседнего дома, кивала головой: "Конечно, знаю, Бродский — русский поэт, но никогда его не видела. Мне очень стыдно... По-моему, он жил где-то рядом". Другие отвечали приблизительно то же самое.

Храм Святой Анны стоит на соседней улице Монтегю. Чернокожий пастор пригласил войти внутрь. Было видно, что он искренне опечален случившимся: "Да, я знал Бродского, это великий поэт. Он жил недалеко отсюда и порою заходил к нам. Однако членом нашей общины он не был".

На той же улице расположен Brooklyn Height Bar — уютный ресторанчик, за столиками которого в момент моего появления сидели несколько посетителей. На стойке бара, рядом с меню, лежал последний номер газеты "Нью-Йорк таймс". Владелец ресторана поначалу был несколько озадачен визитом русского журналиста.

— Бродский? Он заходил к нам по крайней мере раз в неделю.

— И вы знали, что это был именно он?

— Нет, раньше я этого не знал. Заходил тихий, скромный человек в очках, обычно в обеденное время. Он заказывал ленч и садился во-он за тот столик. И только сегодня, когда я прочитал сообщение в "Нью-Йорк таймс" и увидел его фотографию, я понял, кто был нашим клиентом.

...А колючую поземку несло и несло по пустынным улицам Бруклин-Хайтс, и небо становилось тяжелее, и волны реки бились о бетон набережной, и чем-то это напоминало зимний петербургский день.

Он часто заглядывал в книжный магазин Walden-Books, что на той же улице Монтегю, поднимался на второй этаж, где расположена обширная секция художественной литературы.

— Вы ищете Бродского? — работник магазина быстро набрал на компьютере имя. — Конечно, у нас есть книги этого автора. Видел ли я его? Полгода назад мы заказали книги Джозефа Бродского, и там на обложке была его фотография. После этого я уже знал, кто к нам заходит.

Вечерело. На набережной, кроме неспешно фланирующего полицейского, — ни души. У причала на волнах покачивались яхты. С противоположного берега сквозь снежную пелену пробивались огни манхэттенских небоскребов.

Полицейский, патрулирующий набережную, остановился рядом со мной.

— Все о'кей? — спросил он.

— Да.

— Сегодня на удивление спокойный день. Ничего, слава Богу, не случилось.

Прощание в Гринвич Виллидж

Перед тем как переехать в Бруклин-Хайтс, Иосиф Бродский более десяти лет прожил в знаменитом районе Манхэттена — Гринвич Виллидж. Здесь, на улице Мортон, он снимал квартиру. Сюда к нему в гости приходили друзья, здесь он

встречался с теми, кого любил и с кем был близок. Немногие из его знакомых знали, что несколько лет назад поэт переехал. И когда поэта не стало, люди звонили по старому телефону и заходили сюда, на Мортон, отдать ему последнюю дань.

Тихая, застроенная разнотильными домами конца прошлого века улочка Мортон выходит на широкую шумную авеню. Поэта часто видели прогуливающимся здесь. Его помнит и работник похоронного дома Greenwich Village, который открыл двери, когда внесли гроб с телом поэта...

Около часа дня 30 января 1996 года серый катафалк "Олдсмобил" остановился у дверей похоронного дома, возле которого уже стояли люди, пришедшие проститься с умершим. Их становилось все больше. Приходили и близкие, и те, кто знал поэта лишь по его книгам.

К двум часам собравшихся в холле пригласили войти в зал, где находился гроб с телом Иосифа Бродского. Пришедших попросили, уважая чувства семьи поэта, здесь не фотографировать.

...Он лежал в гробу, одетый в коричневый костюм, в черном галстуке, со сложенными на груди руками, в правой руке — деревянный крестик. Приглушенный свет ламп падал на восковое лицо с тонкими поджатыми губами и высоким лбом. Были видны морщинки у навсегда закрытых глаз.

Таким, мимо ваз с белыми лилиями и красными розами по обе стороны гроба Иосиф Бродский уплывал в Вечность.

Он холоднее, чем луна

В ресторан "Русский самовар" Иосиф Бродский заходил в последний раз накануне Нового года, 30 декабря. Здесь он бывал довольно часто. Порою с кем-то, а чаще всего один. Он всегда был желанным гостем для хозяина ресторана Романа Каплана — друга поэта с давних питерских времен.

За белым роялем пианист обычно перебирал клавиши и, увидев вошедшего поэта, начинал исполнять его любимые мелодии.

— Он любил "Прощание славянки", "Шумел камыш", "Очи черные". Иногда, немного выпив, подпевал, — вспоминает музыкант Борис Шапиро, который по вечерам играет на рояле в "Русском самоваре".

Так случилось, что ровно через месяц после последнего посещения Бродским этого ресторана здесь собрались его друзья, все, кто почитал талант поэта. На стенах висели его фотопортреты разных лет, звучали его любимые мелодии. Все как обычно. Только поэта уже не было.

— Хотел ли Бродский приехать в Россию? Думаю, что хотел, — говорит поэт Евгений Рейн. — Но он словно что-то выжидал, отвечал уклончивыми фразами. Он говорил, что можно вернуться на место преступления, но нельзя вернуться на место любви. У поэта было совершенно надорванное сердце — результат его мучительной, мятежной жизни, жизни с преследованиями, ссылкой, эмиграцией.

В этот вечер не было традиционных для таких случаев речей. Разговаривали вполголоса, вспоминая ушедшего таким, каким он был в житейских мелочах.

— Думаю, что говорить о значении фигуры Бродского и о значении его поэзии — это включаться в огромный хор. Ничего не имею против этого, но мне хочется вспомнить его с человеческой стороны, — рассказывает писатель Игорь Ефимов. — При всей его устремленности вверх, при его любимом выражении "Брать ноты выше", при таких вещах, как, скажем, "Осенний крик ястреба" с его падением в эту леденящую бездну, он был чуток к беде, горю самого простого человека. Его строчка "Только с горем я чувствую солидарность" — это не только красивые слова. Из эпизодов такого плана мне вспоминается осень 64-го, когда Иосиф был в ссылке. Мы с поэтом Яковом Гординым приехали его навестить. Везли, конечно, продукты, выпивку, теплую одежду на зиму, книги. Иосиф же почему-то заказал привезти побольше самых разных лекарств. Мы встревожились: зачем ему столько лекарств? Но когда прожили у него в избе дня три, то всё поняли. Это была бедная деревня Норинская, до станции — двадцать километров, аптеки нет. Иосиф раздавал старым, больным людям лекарства. Для местных жителей он стал как бы местным фельдшером. В подобной роли я видел его не раз. Он был невероятно отзывчив к молодым поэтам. На моей памяти не было случая, чтобы он высокомерно отбросил, не прочитал, не познакомился с присланными стихами неизвестных поэтов.

...Музыка продолжала звучать, и, несмотря на столь поздний час, в "Русский самовар" продолжали приходить друзья и поклонники поэта, те, кого горе созвало сюда из разных городов, штатов, стран.

— Когда он сюда зашел в последний раз, — вспоминает Роман Каплан, — все было как обычно: мы сидели за столиком втроем — Иосиф, Миша Барышников и я. Шутили, рассказывали анекдоты. Мы говорили с Иосифом насчет врача, ведь в последнее время у него были очень серьезные проблемы с сердцем. Но ничто не предвещало, что может случиться непоправимое. Он попросил альбом, в котором мои друзья оставляют рисунки или пожелания, и написал экспромт:

Зима. Что делать нам в Нью-Йорке?

Он холоднее, чем луна.

Возьмем себе чуть-чуть икорки

И водочки на ароматной корке -

Погреемся у Каплана.

Жуткий день. И не только для всей России. Поэтов такого масштаба сегодня мало. Умер очень честный, принципиальный человек.

1996 г.

Героин для Кришны

У нее все хорошие и добрые. И мама, и подруги, и наркоторек, и психиатр. Она уверена, что все люди чудо как хороши, а зло если и существует, то исключительно в виде порошка, который называется героином. И пока что Лена (назовем нашу героиню так) живет в каждодневной борьбе с ним.

Сегодня Лена понимает не очень многое из того, что полагается понимать молодой женщине в двадцать пять лет. Скажем, ее пока абсолютно не тревожат вопросы учебы и работы, она не думает о создании своей семьи. Да и стоит ли беспокоиться о таком далеком будущем? Ведь не сегодня-завтра может случиться непоправимое: Лена не выдержит и пойдет к подруге. И, как это уже бывало раньше, закричит прямо с порога: "Светка! Не могу больше! Хочу героин!" И тощая Светка аккуратно высыплет из кулечка сероватый порошок и достанет шприц. И тогда Лене в лучшем случае ожидается процедура детоксификации в госпитале, в худшем — могила на самом дешевом кладбище Нью-Йорка. И Лена это понимает.

У нее относительно хорошая память, если учесть, что она употребляет наркотики пятый год. Конечно же, никогда не забыть черных кошек, которые кусали ее, когда она впервые в жизни выкурила сразу две сигареты с марихуаной. Это случилось еще в Питере, когда она была студенткой филологического факультета университета. Ее стошнило, а потом в ее снах долго противно мяукали черные кошки.

— Это было отвратительно! Это не тот "хай" (то же, что и кайф. — Авт.). Тогда я еще не подсела, только изредка покуривала, — Лена отбрасывает прядь волос со лба.

Она сидит в кресле напротив меня. В ее жестах сохранилось что-то детское. Наверное, когда-то у нее было красивое, по крайней мере, приятное лицо. Сейчас это — размытое пятно с тусклыми маслянистыми глазами. Она неестественно худая. Глядя на бледную кожу ее тощих рук, испытываешь чувство неловкости, словно ненароком увидел что-то недозволенное...

Его звали Рэй. Этот тридцатилетний американский миллионер, путешествуя по России, остановился в Петербурге. Там он познакомился с Лениной подругой Светой. После головокружительной недели с шампанским и прогулками по Петергофу Рэй пригласил подружек к себе в Калифорнию. Переправку дочери за океан взяла на себя Ленина мать, занимающая высокий пост в Управлении внешней торговли. По своим каналам мать оформила дочери и ее подруге визы.

— Мама, я же еду туда только на зимние каникулы, зачем мне столько? — спросила Лена, принимая из материнских рук пять тысяч долларов.

— Поезжай, дочка, может, там найдешь свое счастье.

Утром в заснеженном нью-йоркском аэропорту подруг встретил Рэй. Сели в его машину.

— Закурим, — предложил Рэй, протянув сигареты с марихуаной.

...Они жили в Лос-Анджелесе в доме этого молодого лысеющего миллионера. Лена помнит ящики огромного комода, доверху набитые кулками с тонко нарезанными волокнами. Рэй любил только две вещи: марихуану и телевизор. Они втроем курили, смотрели телевизор, слушали музыку. Но девушкам было скучно. Лишь однажды им удалось вытащить обкуренного миллионера во Флориду.

— Это было прекрасно! — на лице Лены вдруг появляется нечто похожее на выражение. — Мы вышли на его яхте в открытый океан, ловили рыбу, купались. Но Рэй становился невыносимым психом. Он нас не отпускал ни на шаг из своего дома. Он все больше боялся, что мы его сдадим полиции. И я сбежала в Нью-Йорк.

В Нью-Йорке при ее знании английского языка и приятной внешности устроиться официанткой в бар не представляло сложности. Ирландцы, хозяева бара, прощали новой работнице некоторые недостатки, скажем, ошибочно выданную сдачу или неправильно принесенное блюдо. Искусителем стал чернокожий повар, которому понравилась эта русская миловидная блондинка. Ухаживая, он предложил ей понюхать белый порошок.

— Это был настоящий "хай", и я подсела.

Через несколько дней кайф от порошка ощущался сильнее. А еще через месяц, придя в бар, она уже умоляла того негра дать ей кокаин. Сама того не подозревая, Лена становилась наркоманкой. Но тогда еще считала, что просто хочет поймать кайф.

По утрам ее тело было сковано и разбито, приходило чувство удрученности. Чтобы как-то себя восстанавливать, Лена покупала водку. После выпитого становилось лучше. Вскоре ее уволили из бара. Все деньги уходили только на кокаин и водку. Она постоянно находилась в неестественно возбужденном состоянии. Не хотелось ни спать, ни есть, ни сидеть на месте. Танцевать! Она шлялась по ночным клубам Манхэттена, напивалась до беспамятства, выпрыгивала на сцену и танцевала полуголой. Придя домой, снова нюхала кокаин...

Рассказывает Анна С. — психотерапевт клиники, где лечится Лена:

— У наркоманов утрачено чувство реальной самооценки. Когда они перестают употреблять наркотики, у них возникает сильное чувство вины. Они постоянно казнят себя за то, что искалечили свою жизнь. Не в силах справиться с этими душевными муками, не выдерживают — и снова возвращаются к наркотикам.

— А что вы можете сказать о Лене?

— В свои первые посещения нашей клиники она сидела молча, слова из нее приходилось просто выдавливать. Но теперь я понимаю, что Лена не так проста, как

это мне показалось на первый взгляд. У нее есть свои, устоявшиеся взгляды на жизнь. Она честная, что среди наркоманов встречается крайне редко. Не так давно, через две недели после первого посещения клиники, она "сорвалась" и не пришла на прием. Я ей звонила, но трубку никто не снимал. Я уже не надеялась. Вдруг она сама звонит: "Я сорвалась. Решила больше к вам не приходить, потому что так будет честнее". Она испытывала вину передо мной. Я ее долго убеждала, что моя роль — не осуждать, а помогать.

Отдельный разговор о матери Лены. Я эту женщину не видела и потому не могу вынести о ней окончательного заключения. Но я не очень-то верю, что, отправляя дочь в Америку, она хотела ей счастья. Скорее, пыталась от нее избавиться. А убеждает меня в этом факт, что Ленина мать на днях приезжала в Нью-Йорк по туристической визе. Она видела свою дочь накануне кризиса. И — улетела назад, в Петербург. Неужели недопоняла угрожающей дочери опасности? К сожалению, с такими мамами, работающими в "высоких сферах" и отодвигающими детей на второй, третий, десятый план, я на своем веку встречалась нередко.

— Как вы оцениваете нынешнее состояние своей пациентки?

— Честно признаться, я не уверена в окончательном успехе. Но если за последний месяц она сорвалась только раз — это уже прогресс.

А тогда до клиники было еще далеко. Тогда, долго не приходя в нормальное состояние, шатаясь по ночным притонам, пьяная и накачанная кокаином Лена все же смутно догадывалась, что ходит по краю. Однажды она попыталась отказаться от водки. Началась ломка. Чтобы не сойти с ума, она раскрыла первую попавшуюся книгу. Этой книгой оказался сборник учений Кришны.

Лена говорит, что от этой книги тогда исходило свечение и, озаренная, она слышала спасительные голоса "оттуда". Не знаю насчет свечения, но, думаю, ей очень хотелось жить.

Она разыскала храм-монастырь последователей учения Кришны. Обратилась к настоятелю, и тот разрешил ей остаться при храме.

Зная, что наркоманы часто живут не в реальном, а своем, придуманном мире, я все же решил найти тот кришнаитский храм, в котором, по словам Лены, она жила полгода.

На одной из улиц в Манхэттене стоит дом с табличкой на фронтоне Ramakrishna — Vivekanda Center. Открывший двери кришнаит пригласил войти. Он был готов рассказывать обо всех премудростях учения Кришны, но про Лену ничего не ведал.

— По воскресеньям у нас на службе много разных прихожан, в том числе и

русских, но чтобы здесь жила русская... Нет, вы ошиблись.

Значит, наврала! И действительно, какой там кришнаитский храм! Русская девочка, разбалованная заграничными поездками, дорогими тряпками и поклонниками-миллионерами, ушла жить в монастырь? Нет, все это похоже на красивое вранье или на бред больного человека. И все же... Ведь ходят же иногда по Брайтону русские кришнаиты в ярких балахонах, предлагая прохожим книги.

...В бруклинском районе Флатбуш находится множество госучреждений, помогающих городской бедноте. Публика вокруг соответствующая. На одной из улиц — четырехэтажное здание: International Society for Krishna Consciousness ("Интернациональная община сознания Кришны"). Дверь открыл парень лет двадцати пяти, остриженный наголо.

— Меня зовут Рама Нанда, — сказал он на чистом русском. — Входите.

На улице солнце слепило глаза, а в храме царил полумрак. Густо пахло специфическими благовониями и краской. Какой-то парень, тоже лысый, но с косичкой сзади, красил дверные наличники.

— Здравствуйте, я из Питера, — сказал он.

С подносом в руках из-за угла вышла индуска в балахоне, следом за ней, неся огромный кувшин, в зал вошла немолодая низенькая блондинка с явно славянскими чертами лица.

— Здравствуйте, — поздоровалась она на русском.

— Из живущих в храме двадцати пяти человек половина — русские, — объяснил Рама Нанда, видя мое удивление.

Рама Нанда — родом из Ташкента, кришнаитом стал три года назад, в храме живет полгода.

Он повел меня по этажам, открывая разные двери и прося снимать обувь в некоторых комнатах. В центре огромного темного зала на расшитом золотом диване покоилась какая-то деревянная фигура.

— Это основатель нашего движения в Америке, — Рама Нанда написал в моем блокноте довольно экстравагантное для русского языка имя — Асбхактиведанта Свами Прабхупада. — А за этими шторами наши божества, кто хоть раз их увидит, тот обретет бессмертие. Бессмертие в том понимании, что после физической смерти душа уже не будет вселяться в новое материальное тело, а попадет на свою родину, в царство Духа.

Вдруг раздался протяжный звук рожка, шторы раздвинулись. В алтаре разукрашенные гирляндами цветов, разодетые в яркие наряды, стояли два идола. Заиграла монотонная музыка. Рама Нанда, упав на пол, начал бить поклоны...

Потом мы пошли по кельям. Да, все, как и рассказывала Лена. На двухъярусных кроватях вместо постельного белья — спальные мешки. Почему так? Кришнаиты часто путешествуют, едут в другие штаты, чтобы послушать проповеди приехавшего в Америку из Индии очередного гуру. К тому же грех монахам думать о комфорте и наслаждениях. Ни телевизора, ни газет. На шкафу лежат несколько барабанов-мриданчо. На балконах на веревках сушатся оранжевые балахоны. В мешочках —

четки со ста восемью бусинками. В душевой холодная вода, о которой Лена вспоминала с таким отвращением.

— Я из Азербайджана, здравствуйте, — войдя в душевую, поздоровался прикрытый полотенцем еще один кришнаит с фенечками на шее.

От благовоний и непрерывно звучащей монотонной музыки у меня постепенно начало уплывать ощущение реальности. Там, за окнами, шум и суета, копы патрулируют улицы, моя машина плохо запаркована — могут вклеить штраф. А тут — какие-то кришнаиты, фрески на стенах, какое-то бессмертие...

Мы сидели на полу, ели рис с чудовищно острой приправой.

— Лена? Конечно, знаю, — блондинка в цветастом балахоне опустила свою тарелку на колени. — Лена жила в соседней келье. Очень чуткая девочка, стройная, голубоглазая. Мы с ней вместе шили одежду, плели из цветов гирлянды. Но потом она стала какая-то странная и покинула храм.

Странное поведение Лены объясняется просто: она пришла в этот монастырь, чтобы спастись от кокаинового безумия. Вела суровую аскетическую жизнь: ежедневно, как и все здесь, вставала в половине четвертого утра, мылась под холодным душем, наносила на лицо "святую" глину, молилась по два с половиной часа на службе. Потом читала мантры, плела гирлянды, выходила на Брайтон, где под удары мриданчо распевала с единоверцами "Хари Кришна". И первое время это помогало.

Но почувствовав себя в безопасности, затосковала. Ей захотелось жить прежней питерской и нью-йоркской жизнью. Порою к ней приходило сильное желание снова поймать "хай". Внутренне она уже оказалась вне храма.

— Я специально стала себя загрязнять, — вспоминает Лена, закатывая повыше рукава рубашки. — Не ищите следов от уколов, я уже не колюсь, — говорит она, увидев, как я пристально изучаю ее ужасно тощие руки. — О чем я рассказывала? Ах да, мне захотелось наслаждений. Иногда вечерами, когда в храме все спали, я выходила на улицу и покупала у негров марихуану. А потом...

Однажды, проходя по Брайтону с барабанами и распространяя книги, она встретила подругу Светку, которая сбежала от окончательно свихнувшегося Рэя и снимала на Брайтоне комнату. Светка оставила подруге свой домашний адрес.

С этого дня Лена окончательно потеряла покой. Однажды ночью, выскользнув из храма в своем экзотическом наряде, села в метро и приехала на Брайтон.

— Светка! Не могу больше! Дай кокаин!

Тощая Светка понимающе улыбнулась и протянула подруге кулечек с сероватым порошком:

— Попробуй, это лучше, чем кокаин.

Порошок оказался героином.

— Меня стошнило, — вспоминает она первую свою реакцию. — Но все равно было

как-то приятно. Утром душили слезы, все тело было сковано. Таких ломок от кокаина у меня не бывало. Тогда Светка дала мне меньшую дозу, и сразу стало легче. Да-а, героин — это очень сильно, он удовлетворяет все твои желания. Героин достанет любого...

— Где вы брали наркотики?

— У нас был знакомый русский драгдилер, хороший парень, добрый такой. Позвонишь, скажешь, что нужен пакетик, — через полчаса привезет. Иногда даже бесплатно угощал. Мы торчали с утра до ночи. Есть ничего не хотелось, сосали только леденцы. Я тогда стала жутко худой, это сейчас уже ничего.

— А откуда у вас было столько денег на наркотики?

— Воровали одежду в богатых бутиках и потом продавали. Что вы так смотрите? Я же не могла жить без героина! Вы не понимаете, что это такое, когда по утрам тебя выламывает наизнанку и ты готов на все, только бы принять дозу!

Какое-то время Лена "удачно" воровала в магазинах дорогие платья. Но однажды ее поймали охранники и вызвали полицию. Пока ждали полицию, ее заперли в комнате. Зная, что за воровство в Нью-Йорке наказывают меньше, чем за наркотики (с собой у нее имелись наркотики), Лена вынюхала зараз все, что имела. Когда подъехала полиция, она уже здорово "торчала". А когда доехали в участок, была при смерти от передозировки.

Как это ни кощунственно звучит, к счастью, ее задержали в магазине за воровство и вызвали полицию. Случись с ней "овердоз" где-нибудь на улице, в ночном клубе или на квартире у Светки... Она не помнит, как ее отвозили в госпиталь.

— По-моему, тогда распускались желтые лилии, звучала музыка. Я так торчала, как никогда в жизни... — с блаженством вспоминает она состояние, когда находилась при смерти. — Потом я очнулась на больничной койке, под капельницей... Я думаю, это меня Бог наказал: в меня вселилась душа того, кто в прошлой жизни был наркоманом. Наверное, моя душа после смерти тоже достанется наркоману, — пытается она истолковать на свой лад учение Кришны. — Да, я верю в Бога. Понимаете, сейчас мне нужна какая-то основа, чтобы "соскочить". Я не знаю, как это объяснить, но мне нужна очень сильная духовная основа...

— Сегодня ваша пациентка, как может, борется со своей болезнью: ходит к наркологам, посещает группы "Анонимных наркоманов". В ее сознание странным образом вплелось и религиозное учение Кришны — она читает мантры, пытается рассуждать о переселении душ, носит различные кришнаитские фетиши.

— Она ищет выход, — отвечает врач Анна С. — Она уцепилась за Бога, как утопающий за соломинку. На мой взгляд, Лена еще мало верит в свои собственные силы, переложив ответственность на Бога. Но сейчас ценно все, что ей помогает.

Р. S. Приблизительно через год после нашего последнего разговора мы с ней случайно встретились — при одной амбулаторной клинике в Манхэттене открывалось новое отделение для русскоязычных наркоманов. Были приглашены врачи и бывшие их пациенты. После официальной части был фуршет.

— Привет, — поздоровалась Лена, узнав меня.

Она заметно изменилась с тех пор: исчезла болезненная худоба, с глаз сошел маслянистый покров, на щеках проступил слабый румянец. А главное, Лена уже не производила впечатление удрученной наркоманки.

— Это кто? — спросил у Лены стоящий рядом парень, похоже, ее бой-френд.

— Да так, журналист. Когда-то написал статью о том, как я торчала. Наделал там кучу ошибок: написал, что кокаин якобы опускает, а героин подбрасывает. А ведь в действительности все наоборот.

Парень, взглянув на меня, усмехнулся, мол, что взять с непрофессионала? Попрощавшись, они ушли.

Обескураженный такой странной оценкой журналистской статьи, я посмотрел Лене вслед. "Подсела, заторчала, соскочила... Профессиональная наркоманка с фенечками на шее!"

И вдруг подумал о том, что она ведь уже год не употребляет наркотики. Целый год!

2017 г.

Князья и бароны в женском монастыре

Непонятно, почему считается, что нью-йоркский таксист — чурбан неотесанный, так как не знает английского языка и плохо водит машину. Кто распространяет эту клевету?! Нью-йоркский таксист — чудо по сравнению с водителем из маленького городка Spring Valley, который находится в двадцати пяти милях от Нью-Йорка.

— Русский женский монастырь? Ноу проблем! — заверил меня водитель-гаитянин, включил передачу и... утопив педаль газа, помчался на красный свет по встречной полосе. Я зажмурил глаза.

...Шел второй час поисков. С неба извергался ливень, полыхали молнии. И вдруг...

— Сто-о-ой! Вот он!

Можно ли не заметить портики и купола православной церкви? Вспотевший таксист нажал на тормоз.

— Русский монастырь в Америке — это, оказывается, большая проблема, — заключил он.

Небольшие здания Ново-Дивеевского монастыря, где располагаются церковь, кельи и подсобные помещения. Навстречу выходит священник в черной рясе и с большим золоченым крестом на груди. Это настоятель обители отец Александр.

— Петр, ты не устал? Может, хочешь есть? — и не дожидаясь ответа, заводит меня в дом, выставляет на стол кофе, чай, сахар, режет хлеб, приносит закипевший чайник. — У нас сейчас пост, — словно извиняясь, говорит отец Александр.

И вот уже над чашками клубится пар. Слышно, как по крыше колотит дождь — спешить, похоже, некуда. А вообще, куда мы спешим? Куда вечно опаздываем?

— Земная жизнь кратка. Человек, думающий, что она вечна, ошибается, более того, такой человек глубоко несчастен, — отец Александр произносит, казалось бы, простые слова, которые каждый из нас слышал тысячу раз, но почему-то тысячу раз их забывал. — Кто осознал эту краткость жизни, тот сделал важный духовный шаг. Если человек начнет слушать только свою совесть, то невольно встанет на чистую жизнь и вспомнит про Бога. Верно говорится: без Бога не до порога.

Отец Александр умолкает и внимательно смотрит на меня, что-то наспех записывающего в блокнот.

— О-ох, — вздыхает священник. — Я сейчас рассказываю, а ты потом в своем журнале все перепутаешь, получится сплошной винегрет.

Русский женский монастырь в Ново-Дивеево возник в 1951 году. Причину появления этой обители объяснить нетрудно: победное шествие Красной Армии по Европе сопровождалось не только уничтожением фашизма, но и преследованиями всех россиян, которые по разным причинам очутились за границей. Спасаясь от НКВД, многие из них бежали в США. Среди этих иммигрантов были и православные священники, монахи и монахини. Иноки нашли приют в Джорданвилле — в православном мужском монастыре, что на севере штата Нью-Йорк, а куда было податься монахиням? Тогда-то протоиерей Адриан Рымаренко решил основать русский женский монастырь.

Пошли с кружкой по миру, собрали пожертвования, выкупили землю у запущенного католического монастыря, восстановили церковь, колокольню. Разбили участок под кладбище, на котором вскоре была вырыта первая могила для монахини...

Поначалу жили впроголодь, в основном ели рыбу, которую, подобрав после торгового дня на нью-йоркском рыбном базаре, привозили в Ново-Дивеево. Попытались было выращивать свои овощи, но зайцы (а косых в этих краях тьма) всё съедали. Завели кур — вновь неудача: лисы тут как тут. Однако трудом и молитвой все постепенно устроилось. Сюда стали приезжать православные крестить детей, венчаться. Здесь, на

единственном тогда на Восточном побережье православном кладбище, хоронили своих родных.

Сегодня здесь осталось лишь пять монахинь и три послушницы. Недавно прибыло "пополнение" — три монахини из киевского Покровского монастыря. Еще здесь открыт дом престарелых, в котором живут семьдесят пять русских стариков.

Их объединяет не только возраст и не только русский язык, но и нечто большее. Ведь, как это ни банально звучит, Родина остается в каждом из нас такой, какой мы ее запомнили, когда покидали, и у каждого она своя. Для большинства тех, кто сегодня коротает свой земной век в Ново-Дивееве, Россия осталась страной большевистского террора, атеистического вандализма и ужасов. Они знали, что Родина для них отрезана навек.

Здесь, в доме престарелых, казалось бы, нет ничего особенного: старички и старушки, инвалидные кресла, палочки, обслуга. Правда, несколько необычно видеть висящие на стенах иконы и старые фотографии. Но приглядитесь, как сидящий в кресле старик приглаживает свои седые усы и бороду. Какой жест! А старик-то, оказывается, бывший офицер царской армии, после Гражданской войны оказался в Харбине. Во время конфликта на КВЖД китайцы, перебив ему ноги, выдали его большевикам. Тюрьма, побег из лагеря, снова Маньчжурия. Он имел великолепный голос, пел на клиросе, потом стал священником. Но мытарства отца Константина Заневского еще не закончились: впереди ожидали бегство от Красной Армии в Японию, американский оккупационный лагерь, иммиграция в США.

Девяностосемилетний иерей Константин пытается мне что-то сказать, но нельзя разобрать ни слова — у него полностью сел голос. Теперь о его жизни могут поведать только висящие на стене комнаты фотографии, на одной из которых подтянутый молоденький офицер с аккуратно подстриженными черными усиками.

...В трапезную входит седовласая крохотная женщина. Она приветствует меня легким наклоном головы и подает руку для пожатия:

— Баронесса Елена Петровна Врангель.

— Вы — дочка того самого барона Врангеля?

В моей голове начинают мелькать воспоминания о дворцах Петергофа, кружится карусель титулов: бароны остзейские, графы Трубецкие, князья Долгоруковы... Неожиданно словно раздается стук печатной машинки и скрипучий голос диктует: "Крым должен быть взят любой ценой. Ульянов-Ленин"...

— Извините, я сейчас занята, зайдите, пожалуйста, ко мне попозже.

В священнике есть нечто необычное, в самом факте его существования на Земле.

Думаю, даже у отпетого атеиста где-то на краю под— или сознания существуют некий мистический страх и благоговение перед представителем духовенства. Наверное, это объясняется тем, что к Тому миру священник ближе, чем мы, простые смертные. А перед миром иным все мы в большей или меньшей степени испытываем трепет.

— О себе, собственно, рассказывать нечего, — отец Александр подливает в чашки чай. Ставит чайник на деревянную подставку, трогает его рукой. Его большая грубая ладонь вовсе не похожа на ладонь пианиста или скрипача. — Управляю этой обителью уже сорок лет. Здесь, думаю, и умру. Конечно, порою хочется вернуться в Россию, но, видимо, так угодно Господу, чтобы я был здесь. Да и могу ли я все оставить?

Мы встаем из-за стола, проходим коридорчиком и, открыв дверь, попадаем в церковь.

Тишина. К запаху ладана примешивается запах хвои. В красных чашечках плавают тусклые огоньки. Щелкает выключатель, и церковь заливают ярким светом.

— У нас здесь бесценные иконы, — говорит священник. — Вот на полотне изображен преподобный Серафим Саровский. Этот холст — единственный, написанный при жизни святого. Полотно из Оптиной Пустыни сначала доставили в Киев, а после революции перевезли в Германию. Видите, прожжено в центре холста — это след от американской зажигалки, упавшей во время бомбежки в церковь в Берлине. А вот след от удара штыка красноармейца на иконе преподобного Иоанна Тамбовского. У икон свои судьбы, свои раны...

Выходим из церкви. Дождь почти закончился. Подходим к невысокому зданию. Это мастерская. Здесь пахнет машинным маслом и свежеструганным деревом. Вокруг станки: сверлильный, токарный, фрезерный — настоящий цех. В углу белые могильные кресты.

— Постоянно нужно что-то ремонтировать, а вызывать мастеров дорого. Вот и приходится все делать самому, — священник открывает ящики, набитые сверлами, резцами, гаечными ключами. Сейчас, в окружении этих станков, он выглядит так же естественно, как в церкви среди икон.

— Вы крестите, венчаете, отпеваете, управляете монастырем, вдобавок еще и строгаєте кресты и сверлите трубы. Когда же вспоминаете про Бога?

— Когда молотком палец ударю, тогда и вспоминаю, — шутит отец Александр.

...А может, не нужно никаких фокусов? Может, нужно обучиться самому главному — ЛЮБВИ, а все остальное приложится?

Каждый волосок на голове Елены Петровны аккуратно уложен. Годы ее несколько ссутили, но у баронессы каким-то чудесным образом сохранилась стать. Объяснить это сложно — надо видеть. Точный возраст женщин называть не принято, потому достаточно сказать, что баронессе Врангель уже за девяносто. В Ново-Дивееве она живет десять лет.

— Вы слышали? наших опять убили в Афганистане! — Елена Петровна берет в руки "дистанционку" и уменьшает звук телевизора.

— Слышал, — киваю, на ходу сообразив, что "наши" в данном случае — это американцы.

Дочь барона Врангеля после взятия Крыма покинула Россию; жила в Бельгии, потом, выйдя замуж за американца, переехала в США.

— Елена Петровна, вам никогда не хотелось вернуться в Россию?

— Нет, никогда, — качает головой и, не дожидаясь расспросов на эту тему, продолжает: — Я помню, когда мы отплывали из Новороссийска, красные подвозили к берегу телеги с расстрелянными и сбрасывали трупы в море. Был сильный ветер, ураган. Одну телегу сорвало с причала и вместе с лошадьми швырнуло в воду. Это было ужасно... А еще всю жизнь перед моими глазами — виселицы, на которых висели царские офицеры с содранной кожей. Вы бы после этого захотели вернуться?

— Вы помните, как скончался ваш отец?

— Конечно. Ему тогда было 48 лет. Отцу прислуживал денщик Александр. Как-то денщик привел к нам в дом мужчину и, представив своим братом, испросил разрешения ему переночевать. Наутро оба скрылись, а отец вскоре заболел туберкулезом. Выяснилось, что тот мужчина был агентом НКВД, он подсыпал отцу в еду туберкулин. Отец мучительно умирал четыре месяца. Когда его везли хоронить в Сербию, на каждой заставе встречали почетные караулы. Процессию сопровождал князь Куракин.

— Есть ли сегодня продолжатели рода Врангелей?

— У двух моих родных братьев, к сожалению, детей нет. У меня — дочь, которая носит фамилию мужа. Род Врангелей оборвался. Я имею уже трех внуков, одну внучку и двух правнуков. К сожалению, никто из них русского языка не знает.

На стенах комнаты, где живет Елена Петровна, висят иконы, фотографии матери, портрет отца, где барон Врангель изображен в казачьей форме.

— Этот портрет написан незадолго до того, как отца отравили. Помню, в дом пришел художник Кузьмин, стал просить, чтобы отец ему позировал. Отец не любил ни фотографий, ни портретов, но неожиданно согласился: "Даю вам два часа времени. Пишите!" — сказал он художнику. Портрет получился прекрасный: отец здесь молод, красив, полон сил... А вот этой иконой он меня благословил перед смертью.

Елена Петровна посматривает на часы:

— Извините, вот-вот должен приехать внук с невестой, мы собираемся в путешествие... В другом месте я бы сегодня жить не смогла. Если бы не Ново-Дивеево, давно бы умерла, — говорит она на прощанье.

Вечереет. Последнее, что я должен успеть увидеть хоть мельком, — кладбище. Шлепаем по влажной траве. Впереди — кресты, кресты, кресты. Здесь похоронено

около шести тысяч православных. Над многими могилами горят красные лампы.

— Вот здесь, — отец Александр указывает на три ряда выкрашенных в белый цвет деревянных крестов, — покоятся наши монахи. А вот могила дочери Льва Толстого — Александры Львовны, основательницы Толстовского фонда. А под этим крестом — княгиня Мария Волконская, а там, видите, личный охранник последнего российского императора полковник Рогожин и могилы морских офицеров. Здесь похоронена русская история...

Безжалостное время! Под этими плитами и крестами лежат те, кто был гордостью русской истории. С ними навеки канула целая культура, создаваемая веками и накапливаемая поколениями. Остзейские бароны, графы Трубецкие, князья Долгоруковы... Крохотные островки этой Атлантиды остаются где-то в Европе и здесь, в Америке, в этом доме престарелых, который тоже вот-вот исчезнет во Времени...

— Наверное, в последние годы на этом кладбище уже почти никого не хоронят?

— Напротив, больше чем прежде. В прошлом году похоронили около ста пятидесяти человек, и в этом, думаю, будет не меньше. Конечно, сейчас сюда привозят русских последней иммиграции, и часто причиной их смерти бывает не старость и не болезни: один умер от наркотиков, другого застрелили, третьего в пьяной драке выбросили из окна.

— Петр, если хочешь успеть на последний автобус, нужно спешить! — отец Александр смотрит на часы. В его фигуре появляется что-то решительное. — Я тебя подброшу до остановки. За мной!

Подбегаем к джипу. Священник пулей влетает в салон машины, поворачивает ключ в замке зажигания. Машина, сорвавшись с места, выносится на шоссе.

— А-а, опоздали... Не беда, попробуем догнать автобус! — отец Александр резко поворачивает руль вправо и жмет на газ.

Все происходящее напоминает сюжет из ковбойского вестерна. Наконец догоняем автобус, который останавливается для высадки пассажиров.

— Всегда рад тебя видеть! — кричит мне вслед отец Александр.

Впрыгиваю в распахнувшиеся двери. Покупаю билет. Включается лампочка над головой. Поехали! И вдруг понимаю, что забыл спросить у священника о чем-то самом важном...

1996 г.

Марионетки

Поди вспомни теперь, с какими чувствами оставлял свой родной город один из создателей Тбилисского театра марионеток художник Валерий Бояхчан. Быть может, еще не прошла душевная боль: перед самым отъездом похоронили Сергея

Параджанова, с которым Валерия связывали не только дружба, но и совместная работа над фильмами "Сурамская крепость" и "Ашик-Кериб". Не покидала тревога и за остающихся в Тбилиси родителей. Но в кармане лежали билеты в Нью-Йорк и обратно; в аэропорту его должны были встретить представители фирмы, предложившей выгодный контракт в Калифорнии. Однако, как это нередко случается, в аэропорту его никто не встретил...

Бояхчян рад, что все пошло не по намеченному плану. Ведь отправясь он из Нью-Йорка в Калифорнию или обратно в Тбилиси — не повстречал бы Ариадну и не родился бы его Сережка.

— Вы только взгляните, разве можно о чем-то жалеть? — показывает он фотографию, с которой улыбается трехлетний голубоглазый мальчуган.

Да и мог ли он сразу покинуть "столицу мира", не побывав в бродвейских театрах, в манхэттенских музеях живописи, не открыв свой Нью-Йорк?

И... начались его скитания, о которых Бояхчян не любит вспоминать сам и недовольно кривится, когда об этом рассказывают другие. Только немногие из его друзей знают, как он работал швейцаром, как спал в подвале, как за картины с ним расплачивались пиццей...

— Э-э, зачем об этом вспоминать? Кому это интересно? Давай лучше поговорим о театре.

Из кусочков тряпок, ракушек, пуговиц Валерий создавал кукол. Вместе с женой шли в Центральный парк и там, под открытым небом, разыгрывали короткие сценки. Управляя вдвоем шестью куклами, они возвращали зрелище с марионетками к его истокам — площадным балаганам, вертепам, комедии дель-арте. Тогда-то, во время этих миниатюрных постановок, начали зарождаться сюжеты для его будущего театра марионеток.

— Манхэттен — это город-шоу, ему не нужны слова. Ему нужны музыка, танец, — говорит Валерий. — Театр марионеток должен стать продолжением городского шоу. Американцы увидят себя в куклах: Чарли Чаплин, еврей в лапсердаке, латиноамериканец, играющий на губной гармошке, негр, жующий гамбургер, — это ли не узнаваемые, коренные жители Нью-Йорка?

Друзей Валерия давно не удивляют его "странности": порой он может сюрпризом прислать им билеты в театр. Или, позвонив за полночь, начнет рассказывать о новой придуманной кукле. Или же, пригласив к себе на день рождения, накроет стол и вдруг, оставив гостей, удалится в уголок колдовать над новой марионеткой. Это свойство, которое по отношению к художнику называют "не от мира сего".

...Семья жила за счет продажи его картин. А марионетки, подвешенные на нитках, смотрели в его квартире со стен, карнизов, люстры. Ждали, когда войдет Некто и дернет за ниточки, чтобы все ожило...

Где только Бояхчян не искал того, кто бы поверил в его идею театра и дал бы на это деньги! Обращался и к армянским бизнесменам, и к украинцам со Второй авеню, и к новым русским. Просил, показывал им своих кукол, читал сценарии. Все отказывали. Одни считали, что это невыгодно ("Да-арагой, давай лучше откроем ресторан!") Другие, если и соглашались дать какую-то сумму, то сразу же заказывали и свою музыку, и сценарий. Заработанные на картинах деньги быстро таяли.

— Выбрось из головы свою бредовую затею, — убеждали его.

— Я сказал: театр будет!

Он выстрадал свой театр в сюжете, родившемся из его собственной жизни.

Герой пьесы — бродяга, каких полно в Нью-Йорке. Уставший, в грязных лохмотьях, презираемый и отвергнутый всеми, бредет он по ночному опустевшему городу, толкая перед собой тележку с нищенским скарбом. На его голове корона. Значит, это не просто бродяга, а сумасшедший. А может, и царь, кому принадлежит и эта безлюдная улица, и Манхэттен, и... весь мир. Не себя ли видел Валера в этом бомже-царе? Ему ли не знать ночных улиц Нью-Йорка, где он когда-то бродил, отвергнутый всеми?

Кстати, улица вовсе не мертва: вот капает ржавая вода из крана, а вон там, из-под решетки на асфальте, валит клубами пар. Гулко, как в вату, стучат колеса подземки. Люк вдруг открывается — и появляется карусель, вспыхивают огни. Чарли Чаплин, Пьеро, Мэрилин Монро — все танцуют у ног бомжа-царя...

В данном случае — это не фантазии, а начало спектакля "Голубая корона" театра LOFT. Слово loft имеет несколько значений: чердак, верхний этаж, хоры в церкви. Организаторы решили дать своему театру именно такое название, подчеркивая условность жизни, где чердак может вдруг превратиться в церковные хоры, а нищий — в царя.

Итак, фортуна в конце концов улыбнулась Бояхчяну. Он встретил Майкла и Хайка Тутунджянов, американцев армянского происхождения. Майкл — профессиональный режиссер, Хайк — фотограф. Увидев кукол и ознакомившись со сценарием Валерия, братья Тутунджяны поверили в идею театра и стали ее спонсорами. Нашли подходящее помещение, которое раньше использовалось под склад. Втроем почти полгода оттуда не выходили, превращая захламленный склад в театр.

Помню, как-то раз, в первом часу ночи, я туда заглянул. Работа кипела: Майкл и Хайк рубанками подгоняли доски для помоста, Валера кроил занавес. Повсюду валялись инструменты, доски, ткани.

— Сына и жену вижу только спящими. По-моему, сын подрос, — сказал Валерий то ли в шутку, то ли всерьез. — Прихожу ночью, несколько часов сплю и снова сюда.

Сквозь пелену пыли и горы всякого хлама проступало нечто волшебное: гипсовая кисть кукловода и свисающие с его пальцев серебряные нити...

За несколько дней до премьеры в театре LOFT состоялся банкет. Приглашенные

театральные критики, актеры, бизнесмены, потягивая вино, прохаживались по фойе и рассматривали на стенах эскизы к спектаклю. Как это часто бывает на подобных мероприятиях, звучали тосты, были сказаны слова любви и уважения к искусству вообще и к создателям LOFT в частности.

А где же сам художник?

Рука порывается написать что-то вроде "он был немного уставшим, но в его глазах светилось счастье...". Ничего подобного: в широченных черных штанах, жилетке и в элегантно вывязанном шейном платке, Бояхчян сидел в затемненном углу и смотрел на опущенный занавес. В этот момент он почему-то очень напоминал главного героя своего спектакля...

— Мне нужно отдохнуть пару дней, — сказал он тихо. — Но театр родился.

...На следующий день я позвонил Бояхчяну домой, чтобы пожелать его театру счастливой звезды. Была суббота, девять часов утра. Трубку взяла его жена Ариадна.

— Валера? Он давно ушел в театр, — ответила она.

— Надолго?

— Думаю, что на всю жизнь.

2001 г.

О бедном таксисте замолвите слово

Есть такие вещи, о которых нельзя написать в один прием. Они заслуживают серии очерков. Совсем не потому, что необычны или уникальны. Скорее, напротив, мы сталкиваемся с ними каждый день; они давно примелькались, став повседневными атрибутами Города Большого Яблока. К примеру, что нового можно рассказать о так называемых желтых такси, двенадцать тысяч которых сегодня носятся по всем пяти районам Нью-Йорка? Тем более что нового о желтых кэбах может узнать русский читатель после замечательной книги Владимира Лобаса "Желтые короли. Записки нью-йоркского таксиста"?

Однако после выхода в свет "Желтых королей" утекло много воды. Изменились не только цены и правила работы водителей, но и сами кэбби (так в Нью-Йорке называют таксистов. — *Авт.*). Еще лет десять назад примерно треть нью-йоркских таксистов составляли русскоязычные иммигранты. А сегодня это в основном азиаты и арабы. Почему же убежали наши?

Сами русские кэбби считают, что одна из причин — заработок, который за последние пять лет почти не изменился. Зато на все заметно возросли цены.

— Азиаты и арабы менее прихотливы, — объясняет мне таксист, представившийся Олегом. — Знаю многих кэбби — пакистанцев и индийцев, которые здесь живут впроголодь, в дешевых квартирках, копят деньги, но богачами возвращаются домой, в Индию или Пакистан. Там покупают себе и детям виллы, открывают бизнесы. А через

некоторое время снова приезжают в Нью-Йорк и садятся за баранку.

Я в Америку приехал из Израиля, принимал там участие в Ливанской войне, — продолжает Олег. — Но то, что пережил в Нью-Йорке за пять лет работы на такси, не сравнится ни с какой войной. У нью-йоркского кэбби должна быть крепкая психика. Ведь никогда не знаешь, что в голове и что в кармане у севшего в твою машину пассажира...

Зато с клиентами у "желтых королей" — все в порядке. Поднятой рукой у обочин при любой погоде и в любое время суток голосуют пассажиры, не смущаясь очередным повышением цен на проезд.

— А почему кэбби врут? Иногда, пока везут, расскажут такую историю, куда там Стивену Кингу.

— Не врут, а сочиняют. Наверное, потому, что голова у нас целую смену ничем не занята.

Голова хоть свободна, но за 12-часовую смену редко какой "король" отдыхает больше 10—15 минут.

Еще не включен счетчик в машине, еще раннее утро — половина пятого и, кроме бродяг и проституток, на городских улицах никого нет, а "король" уже весь в долгах. Он должен хозяину за аренду машины, должен оплатить бензин, должен адвокату из профсоюза таксистов. А еще плата за квартиру, счета, медстраховки, дети в колледже... Поэтому нужно рыскать, подрезать, чтобы за семь-восемь часов работы "отбить" аренду машины и бензин, а оставшееся время работать уже на себя. И на всякий случай, сдавая машину сменщику, кэбби переспросит: "Ты уверен, что завтра выйдешь в шесть утра? Может, ты выйдешь в половине седьмого?" Ведь эти тридцать минут в часы пик — золотые.

— Адский труд! И самое обидное — беззащитный! — восклицает Олег. — Разве мы похожи на преступников? Разве нас можно обвинять в расизме? Разве того, кому деньги даются с таким трудом, можно так бессовестно грабить?

Мы находимся в здании нью-йоркской Комиссии по такси и лимузинам. На стульях в ожидании вызова сидят около пятидесяти таксистов. Черный для них день и проклятое место. Среди них — индийцы в чалмах, негры в кожаных куртках, арабы в старых свитерах. В уголке — двое белых, в светлых рубашках и при галстуках. Один из них похож на начальника главка, другой на ученого. Неужели русские "короли"? Точно.

Тот, который похож на начальника главка, — лет сорока, полный, внешне спокоен. Другой — постарше, лет пятидесяти, худощавый, чернее своего галстука. Его вид даже

у самого безжалостного полицейского может вызвать сочувствие. Оба, как и остальные сидящие в зале, ожидают вызова на слушание дела.

Здание Комиссии по такси и лимузинам для каждого нью-йоркского кэбби — лобное место. Здесь очень часто казнят и крайне редко милуют. Здесь на столах бесплатно лежит брошюра "Правила вождения такси", основную часть которой занимают обязанности водителя: начиная с того, что кэбби всегда должен быть опрятным и свеженьким, как огурчик, и заканчивая требованиями везти пассажира кратчайшим путем. В этом суровом кодексе есть даже положения, обязывающие таксиста настроить радиоприемник на заказанные пассажиром звук и волну или, например, запрет рекомендовать пассажиру покупать товары в каких-либо конкретных магазинах.

Следом за обязанностями в этой брошюре с каким-то садистским педантизмом изложены штрафы за нарушения. Пятьдесят четыре нарушения, такое же количество штрафов. Суммы — от 25 до 400 долларов. Те, кто придумывал эти "Правила вождения такси", вероятно, исходили из убеждения, что нью-йоркский кэбби — потенциальный жулик, которого нужно крепко держать в узде. Но неужели эти "Правила" соблюдаются?

Володя Френкель — одессит, в прошлом директор кооператива по продаже пуговиц. Вот уже третий год "королевствует" на хозяйской машине. На таком суде он уже второй раз. Почему спокоен? Шансов отвертеться почти нет. Он отказался везти пассажира. Не просто пассажира, а переодетого инспектора. К тому же — негра. Теперь ему гарантирован крупный штраф. (Водитель желтого такси, если он на смене, обязан остановить машину по требованию любого голосующего на обочине. — Авт.)

Отказ везти пассажиров — одно из самых распространенных нарушений нью-йоркского таксиста. Но как же так? Ведь пассажир — это золотая курочка, за которую, как петухи, сражаются кэбби на своих машинах. И вдруг — на тебе! — отказ. Таксисты Нью-Йорка чаще всего отказывают голосующим неграм сомнительного вида. Дело вовсе не в том, что кэбби — расисты. Подозрительных негров не везут и чернокожие водители тоже, потому что быть застреленным или ограбленным в равной степени боятся все. Пассажир-негр если не ограбит сам, то чаще всего закажет везти его в Гарлем, где уличная шпана слетается на желтую машину, как осы на мед. Ведь в кэбе — наличные деньги.

С повесткой в суд, где перечислены совершенные им преступления, таксист подходит к окошку и регистрируется. Он может перенести день суда, оттянув казнь на несколько месяцев в надежде, что за это время что-то изменится в его пользу. В случае с Володей перенесение судебного разбирательства никак не помогло и ничего не изменило. По-моему, Володя даже не расстроен.

— Сел ко мне чернокожий, — рассказывает он, — заказал везти его в Гарлем. Я

взглянул на него — странный какой-то. Сказал ему, чтобы он вылезал из машины. А он показал мне свое удостоверение инспектора... Теперь меня обвиняют в отказе взять пассажира плюс в оскорблениях. И все — при отягчающих обстоятельствах: расизм. Как назло, это мое второе нарушение. Случится третье — отнимут права таксиста, тогда пропал.

О своем первом нарушении этот кэбби говорит с неохотой. Счетчик.

За определенную мзду механик в мастерской может заставить счетчик машины крутиться чуточку быстрее положенного. Неправильные счетчики — еще одно распространенное прегрешение таксиста. Но разве обогатит, скажем, незаконно заработанный с каждой мили квотер (двадцати пятицентовая монета)? А если таких миль пятьдесят по пять, сколько квотеров набегает? Хватит окупить бензин, еще и останется.

Однако пассажиром может оказаться переодетый инспектор. Проехав по контрольному участку, он вдруг сообщает: "Счетчик у вас подкручен, ждите повестки в суд". Тогда с таким страхом заработанные доллары, одним росчерком судейского пера превращаются в штраф и запись в водительскую историю.

Не надеясь на победу, Володя все же взял себе в защитники Джозефа Скифо, адвоката, которого можно нанять тут же, в зале ожидания суда. Джозеф Скифо за 75 долларов попытается выгородить провинившегося или безвинного "короля". Он считает, что в судебных разбирательствах таксисты виновны приблизительно в десяти случаях из ста.

— Да, некоторые из них воруют чемоданы, обманывают неопытных пассажиров, подкручивают счетчики, — говорит Скифо. — Они не ангелы, но и не преступники, ведь водить такси — тяжелая работа. А преступниками чаще всего становятся те, кто ищет легкого хлеба.

— Значит, судья всегда берет сторону пассажира или полицейского? — спрашиваю я.

— В основном да. Но бывают случаи... Месяца два назад на суд был вызван один русский кэбби. Полицейский навешал на таксиста всех собак: проехал на красный свет, неправильно заполнен путевой лист, грязный салон машины. Записав все обвинения, полицейский произнес напоследок: "Вонючий жид!" А тот кэбби оказался смышленным парнем: принес в суд фотографии, доказывающие, что его путевой лист был заполнен правильно и салон машины был чист. На суде полицейский начал запинаться. И тут кэбби выдал: "Господин судья, я приехал в Америку из страны, где часто унижали мое национальное достоинство. А здесь, в свободной стране, представитель власти назвал меня вонючим жидом!" Судья подскочил и как заорал на полицейского: "Вон отсюда!" Кэбби был признан невиновным.

Наш разговор с адвокатом внезапно прервался.

— Владимир Френкель, — произнес голос в динамике. — Комната номер три.

Обвиняемый и его адвокат, пройдя по коридору, открыли дверь комнаты номер три. Следом за ними в ту же комнату вошел инспектор-негр, обвинивший Володю в отказе ехать в Гарлем.

Среди рослых кэбби фигура щупленького Эдварда Менделя выглядит карикатурно. Да и сам Эдвард, похоже, всегда не прочь пошутить, причем сопровождает свои слова комической мимикой. В Менделе умер артист. Подвижный семидесятивосьмилетний Мендель, всю жизнь отработавший клерком в Комиссии по такси и лимузинам, давно на пенсии. Но почти каждый день приходит сюда в своем форменном пиджаке с бляхой на груди, чтобы быть в курсе всех дел этой организации. Он бесплатно (разве доллар или два — деньги?) раздает советы таксистам, подводит их к адвокатам, суется, шебуршит, но чем толком занимается, ответить наверняка трудно даже ему самому. На разговор Мендель идет охотно:

— Жалобщики-пассажиры на суд часто не приходят. Им ведь за это денег никто не заплатит. В сердцах напишут и отправят жалобу, а на следующий день забудут об этом. Зато таксист должен переживать, нанимать адвоката. Попадаются, конечно, и очень вредные жалобщики. Но этому парню, по-моему, повезет.

Возле нас — еще один русский "король", ожидающий вызова. Ему 54 года, родом из Минска, кандидат математических наук, английским почти не владеет. В Нью-Йорке живет всего лишь год, такси водит второй месяц. Он удручен: адвокат из профсоюза таксистов в суд почему-то не пришел. Что же будет, когда позовут к судье? Как защищаться? Что говорить? На каком языке?

— Утром села одна ко мне в машину, я смотрю — пьяная, еле языком ворочает, — рассказывает "король" историю своего "преступления". — Я ее высадил, а она, стерва, написала жалобу, что я отказался ее везти и якобы в придачу ей нахамил.

Он говорит правильным русским языком, интеллигентный человек, даже слово "стерва" произносит с неловкостью.

— Ничего, — утешает его старик Мендель. — Скажи судье, что она была пьяной, сама хамила и материлась, а ты — воспитанный человек, с хулиганками дела не имеешь. Но только не кричи, судьи этого не любят.

Математик понимающе качает головой и посматривает на часы. Уже прошло пятьдесят минут, как должен был начаться суд. Жалобщицы все нет. Если через десять минут она не появится, кэбби будет признан невиновным и отпущен без штрафа.

Злодейка иммигрантская судьба! Не по ее ли воле этот 54-летний математик сегодня очутился в когорте нью-йоркских таксистов, да еще в зале суда? Он не жалуется. Что жаловаться, если нужно зарабатывать деньги, чтобы кормить семью? "Ничего, со временем узнаю город, выучу язык, жена окончит бухгалтерские курсы. А там..." Он не может скрыть волнения. Остается три минуты, две, одна...

О-о, это священное, наполненное музыкой слово "отпущен"! Кэбби получает "отпускной" документ. Он светится радостью, как выигравший крупную сумму в "Лотомиллион". Воистину королевским жестом протягивает старику Менделю два доллара за моральную поддержку. Он даже не обращает внимания на предупреждение, что если жалобщица объявится и предъявит уважительные доказательства причины своей неявки, то дело будет возобновлено. Стоящий рядом с ним кэбби-пакистанец похлопывает математика по плечу: "Счастливчик!"

А из комнаты номер три выходит другой "король" — Володя. Сжимая в руке квитанцию штрафа, достает из своего бумажника деньги. Становится в очередь к стеклянному окошку кассы.

Очередь продвигается быстро. Штрафы — двести долларов, триста, четыреста. Из грубых рук шоферюг купюры переходят по ту сторону стекла, восстанавливая законность, но очень часто нарушая справедливость.

2015 г.

Кошмар на улице Святого Марка

Дьяволиада. Не иначе как происками нечистой силы можно объяснить, почему ЭТО возникло именно на улице Saint Mark's. Евангелисту Марку, в честь которого названа эта улица, наверняка стало бы дурно, пройдишь он сегодня по ее раскаленному, заплеванному асфальту. Порою кажется, что именно здесь материализовались вурдалаки Гоголя, здесь родился киносимпатяга Фредди Крюгер, здесь подтвердились все пансексуальные теории Зигмунда Фрейда.

Старожилы рассказывают, что лет эдак тридцать-сорок назад этот район Манхэттена отдаленно напоминал венгерский или западно-украинский городок. Здесь жили выходцы из стран послевоенной Восточной Европы. (Потому и район называется East Village — Восточное местечко.) Это было не самое престижное место Нью-Йорка, хотя тут располагались и галереи художников, и театральные сцены. Время шло, поколение родителей старело, а дети, став на ноги, переезжали в более престижные районы Нью-Йорка или в другие штаты. Жизнь здесь хирела и гасла...

Вам нужен металлический лифчик? Цветная татуировка на макушке или под мышкой? Полиэтиленовые плавки? Пять сережек в ободе одного уха и три на кончике языка? Или в более пикантном месте? Никаких проблем, правда, будет немножко больно. Только не нервничайте. Лучше зайдите в парикмахерскую "Небесные существа" и через полчаса, после вылитых вам на голову двух банок красной и одной зеленой краски, вы станете красавцем, мать родная не узнает, что, кстати сказать, будет лучше для нее же самой.

Улица Святого Марка сегодня считается самой сумасшедшей в Нью-Йорке. Столь любимое американцами слово "крейзи" (crazy — псих) наиболее точно отражает дух и идею этой улицы.

Собственно, идея андеграунда, контркультуры и протеста не нова. Корнями эта идея уходит в свою национальную традицию и имеет свою национальную физиономию. В крупных городах местом тусовки юных бунтарей чаще всего становится определенная улица. В Нью-Йорке это улица Святого Марка. Здесь бунтуют панки.

Против кого бунтуют? Как ни парадоксально, в большинстве своем они — дети обеспеченных родителей. Окончив школу, из чувства юношеского протеста или просто за компанию не пожелали дальше ни учиться, ни работать. Сбежали из дома, не забыв, кстати, прихватить родительские деньги. Пробили на лице пару-тройку дырок для сережек, перекрасили волосы, напялили на себя тряпье — и улица Святого Марка приняла их как родных. Они не хотят быть такими, как все. Они всем недовольны, поэтому желают выглядеть отбросами общества.

Живут "коммунами", снимая одну квартирку, а то и комнату на несколько человек. Иногда, когда еще тепло, ночуют на скамейках в Томпкинс-парке, хлебают суп из передвижных бесплатных кухонь для бездомных, курят марихуану, дуреют в ночных клубах — короче, "тусуются". На лицо ужасные, но незлые внутри, они живут в своем собственном мире и не любят, когда их трогают посторонние.

Здесь в магазинах оригинальная бижутерия сережек-черепов, кулонов-скелетов и свечей в виде вампиров. Здесь Амур по сходной цене продает для извращенцев наручники, плетки и нижнее белье из проволоки. Жизнь превратилась в театр, синтезировав психологию первобытных племен и броскую эстетику американского шоу-бизнеса. Здесь богиня — Мадонна.

На вопрос "Почему ваш магазин назван "Религиозный секс"?" Давид Игвин, бывший гитарист панк-рок-группы и нынешний владелец магазина, пояснил, что долго кряхтел над названием, пока не решил соединить две несоединимые вещи: секс и религию. "Смысла в названии, в принципе, нет, зато, согласитесь, звучит".

Последний писк моды — облегающий пластиковый комбинезон с капроновыми вставками на боках. Всё из пластика: корсеты, брюки, лифчики. По словам Давида, пластик сейчас — самый модный материал, и первой эту моду выразила Мадонна, выступив на концерте в пластиковом корсете и нижнем белье. До этого ну какой, извините, псих в тридцатиградусную жару запакует себя в полиэтиленовый кулек? Теперь же, хотя в нем, как в бане, зато — как Мадонна.

Свою необычную продукцию владелец "Религиозного секса" заказывает у дизайнеров: шьется она небольшими партиями в ателье Нью-Йорка и Калифорнии. Что сейчас в моде? Все очень длинное или очень короткое. Главное — чтобы ОЧЕНЬ, ведь основная задача — поразить, ошарашить любой ценой. И потому сегодня — пластик,

завтра, допустим, стекло, послезавтра — листовое железо...

Владелец соседнего магазина под названием "Шваль" Луи Феррара в прошлом — модельер одежды. Он обожает кожу. Черные кожаные ремни, куртки, сапоги-чулки до бедер, несмотря на лето, в большом ходу. А самый шик — это кожаный ремень на шею и кожаный с заклепками корсет. Законодатель этих нарядов — тоже Мадонна. "Конечно, мой магазин не для бабушек, — говорит Луи. — Но ведь Нью-Йорк — это сумасшедший поезд, здесь особый крэйзи-стиль. А что, извините, неужели в России нет крэйзи-молодежи, которая хочет самовыразиться?"

Потребность самовыражения, очевидно, завершила процесс превращения человекоподобной обезьяны в питекантропа. Перестав быть пассивным объектом природы, человек сам превратился в творца. Восторженного дикаря переполняло творчество, и, еще не зная иных средств самовыражения, дикарь начал размалевывать свое тело, зашифровывая в изображениях свою агрессивность, страхи, сексуальные наклонности. Ученые давно доказали, что наколки и серьги на теле современного *homo sapiens* — это архаичные пережитки еще тех, первобытных времен.

Над магазинчиком "Дикие свиньи", на втором этаже, — обитая жестью дверь. За нею, в небольшой ярко освещенной комнате, три шамана-художника, окуная электроиглы в чернила, делают клиентам татуировки. На топчанах, стиснув зубы от боли, лежат две абсолютно раздетые девушки и один парень. На стенах висят образцы: витиеватые узоры, змейки, бабочки — выбирай, чего душа желает, и ложись. Самая дешевая наколка стоит здесь семьдесят долларов.

Джон Хинклей, с вытатуированной на горле огромной разноцветной бабочкой, в этом бизнесе уже более пяти лет. Он не профессиональный художник, а самоучка. Джон уверен, что татуировка — это средство проявить свою индивидуальность и потому она будет существовать вечно. По его наблюдениям, женщины теперь гораздо чаще мужчин ложатся под иглу татуировщика. Места на теле выбираются согласно желанию обратить на себя внимание противоположного пола. Мужчины предпочитают спину и предплечья, женщины — грудь, бедра и лодыжки. Женщинам, кстати, больнее, но они знают, во имя чего терпят боль.

— Городские власти требуют от нас соблюдения всех мер предосторожности против заражения СПИДом и другими вирусами. За нарушение штрафуют, — жалуется Джон. — Для каждого клиента нужно использовать новую иглу и новую баночку чернил.

Вытатуировать Ленина, Сталина или Путина Джону пока никто не заказывал. Но если принести с собой фотокарточку, то из уважения к русским он перебьет хоть спереди, хоть сзади, будут как живые.

Кстати, о политике. Самые ядовитые, политически похабные надписи и изображения на футболках впервые появляются здесь, на прилавках магазинов, а потом расходятся по всему городу. Скажем, чего стоит мэр Блумберг с торчащей из

задницы сигарой (ответ на борьбу мэра с курением).

Постоянство этой улицы поражает. За последние пятнадцать лет облик района East Village менялся не раз. Выходцев из стран Восточной Европы потеснили латиноамериканцы, с недавних пор здесь стали селиться азиаты. Словом, на East Village, как и везде в Нью-Йорке, все течет, все меняется. Только улица Святого Марка остается в своем первозданном виде.

Завершить оформление тела можно в салоне "Андромеда". Это — ювелирная мастерская тела. Мастер по имени Филипп, с серьгами в бровях, ноздрях, губах, подбородке, горле (дальше футболка), пробив дырку, вставляет очередному клиенту серьгу. Запретных мест нет. Отдельный кабинет и строгая конфиденциальность. На прилавках колоссальный выбор серебряных колечек. Рядом, словно экспонируя товар и работу мастера, стоят две девушки, на чьих лицах свободного от колец места практически нет.

В "Андромеде" очередь. Валит желающий самовыразиться народ. Чтобы попасть на прием к мастеру, нужно ждать. Однако уже смеркается. Конечно, ежели в твоей ноздре ни единой серьги, то можно и подождать.

Все же лучше выдвигаться в сторону метро. Тем более на углах все больше негров, предлагающих сомнительно пахнущие сигаретки, все громче музыка из дискотек в подвалах. А из парков, утомленные сентябрьским солнцем и лежанием на траве, звеня металлом, в полиэтилене и коже, в наколках и серьгах, с красно-зелеными торчащими волосами, выходят на улицу Святого Марка нынешние ее хозяева — дети богатых родителей, бунтари, отбросы общества, словно стая разноцветных бабочек или дикое первобытное племя.

2012 г.

Тюремный эскулап

— А вам тюрьма, случайно, не снится?

Он улыбается, потом слегка хмурится, пытается что-то припомнить.

— Недавно приснилась больница, койки, пациенты. Но как-то смутно, утром все забыл. В зоне прошла почти вся моя жизнь...

Тюремный врач. В представлении многих наверняка это словосочетание находится в одном ряду со словом "костолом". В крайнем случае — неудачник, который не сумел сделать карьеру в гражданском мире и поэтому перешел работать в мир за колючей проволокой. Соблазнился на государственные льготы. Ни о клятве Гиппократы, ни о каком-то милосердии тут и речи быть не может. Но как примитивны порою такие

представления!

Аркадий Сноль двадцать пять лет проработал начальником больницы, которая обслуживала все колонии, тюрьмы и следственные изоляторы Татарии. Среди его больных были и мелкие воры-карманники, и отпетые рецидивисты.

— Если бы я мог пойти работать в американскую тюрьму — пошел бы, не задумываясь, — говорит он.

— Он даже узнавал, какие для этого нужны документы. Но оказалось, что в Америке для работы врача иммигранту нужно подтвердить диплом мединститута, а это нелегко, особенно если тебе за шестьдесят. Иначе, не сомневаюсь, Аркадий лечил бы уже американских зэков, — подключается к разговору его жена Анна.

Тем не менее он все равно лечит американских зэков-наркоманов, выпущенных из тюрьмы при условии, что они пройдут курс лечения. Категории его больных во многом сходны, разве что те, в России, были еще за колючей проволокой, а эти, в Америке, уже на свободе.

Как я стал лепилой

Начнем, однако, по порядку и перенесемся в 1960 год, когда выпускник Харьковского мединститута Аркадий Сноль, ни сном ни духом не помышлявший о работе тюремного врача, влюбляется в выпускницу автодорожного техникума. Она получает распределение в Казань, а он, имея на руках направление "в другую сторону" — в Сумы, едет за любимой в Казань. Там они женятся и... без направления института на работу его никто не берет. Как быть? Знакомый предлагает пойти работать в МВД. Аркадий соглашается, всемогущее МВД быстро устраняет все формальные проволочки, и 23-летний выпускник института, который еще недавно в лабораториях резал лягушек, становится врачом медчасти Казанской колонии строгого и особого режима.

В зоне битком набитые бараки, отбывают сроки и новички, и рецидивисты со сталинских времен: одни получили срок за несколько убийств, другие — за украденную буханку хлеба.

— Вспоминаю первый день: ноябрь, метет снег. Я пришел в колонию в отутюженных брюках, новое пальто, шапка-пирожок. Во дворе колонии сидят заключенные, сколачивают ящики. Иду, а вслед несется: "Стиляга! Пижон! Лепила!" Такое ощущение, что иду сквозь строй. Но понимаю: на эти провокации поддаваться нельзя, нужно молчать и внешне сохранять спокойствие, хотя, честно признаться, коленки подрагивали. Зэки сразу берут на испуг. Они дают и, если поддаешься, чувствуют это. Главное — выстоять первое время, не сломаться.

— А что значит "лепила"?

— Так заключенные окрестили медперсонал: "Эти граждане начальники в белых халатах что-то лепят в своих лечебницах". Оперативный состав они называли кумовьями, потому что те якобы "крестят зэков на новые сроки". Прозвища, как

видите, несколько оскорбительные. Я рассказываю это для того, чтобы показать: ко всей администрации колонии отношение заключенных было одинаково негативным. Но существовало и различие: оперативникам не доверяли, их побаивались, врачей же почитали за спасителей.

— Кто вам раскрывал премудрости тюремной субординации?

— Прежде всего опытные контролеры, которые охраняли рецидивистов еще с военных лет. Они объясняли, что с этой публикой нянчиться нельзя, если наглеют, нужно сразу наказывать штрафным изолятором. Несколько уроков мне преподавал заключенный без одного глаза, по фамилии Самигулин. Его с партией особо опасных привезли к нам из пермской тюрьмы и назначили санитаром. Мы с ним договорились: если кто-то из заключенных косит под больного, Самигулин мне подмигивает своим единственным глазом. В колонии тогда появилась "кирпичная" болезнь: приходит пациент и жалуется, что болен. Я вижу — он абсолютно здоров, но градусник почему-то показывает высокую температуру. В таких ситуациях Самигулин мне подмигивал: мол, не верь, загляни ему в карман. Я заставлял таких "больных" выворачивать карманы, а там лежал кусочек нагретого кирпича. Оказывается, перед тем как идти в медчасть, они нагревали кирпич, клали его в карман и, пока мерили температуру, держали пальцы на этом кирпиче; потом, рассматривая градусник, теплыми пальцами ненадолго зажимали его наконечник.

— Но вам приходилось сталкиваться не только с псевдобольными, не так ли?

— Конечно. С первых же дней работы я для себя выработал четкую позицию и старался ее придерживаться: если человек болен — сделаю все, чтобы помочь ему; если же притворяется больным — отношение к такому было совершенно противоположным.

Режь, начальник, по живому!

Аркадий описывает далекое прошлое детально и обстоятельно, называя даты, фамилии. Он спокоен, а сидящая рядом жена часто вскидывает брови: "Неужели было и такое?" Только сейчас, во время этого разговора, Анна узнает некоторые, порою холодящие кровь подробности прошлой работы мужа. Он о многом ей не рассказывал: во-первых, запрещалось по роду службы, во-вторых, не хотел волновать. К примеру, только сейчас она узнала, что специальной охраны для медчасти не выделялось. Единственным средством защиты была вмонтированная в стол кнопка тревожной сигнализации, которая к тому же часто не работала. Или, скажем, под матрасом одного зэка однажды обнаружили три штыря — заточенные напильники, специально изготовленные для нападения на Аркадия...

— По врачебному халату не скучаете? — спрашиваю, рассматривая его фотографии той поры.

— Еще как скучаю! Иногда так хочется оперировать, накладывать швы, делать уколы...

— Говорят, что любой хирург помнит свою первую операцию. А как было у вас?

— Однажды ночью звонят из тюрьмы мне домой: "Срочно приезжай! Заключенный в изоляторе, впав в отчаянье, вогнал себе под ребра две швейные иглы!" По дороге в колонию я лихорадочно вспоминал те немногие операции, в которых участвовал ассистентом. Прибегаю в штрафной изолятор. Там на койке лежит пациент, у него под кожей в районе сердца я прощупал две металлические иглы. Кричу санитару: "Беги в медчасть, неси новокаин!" Проходит время, санитар нет. А пациент вдруг заявляет: "Режь, начальник, по живому, иначе сейчас уйду". Я решил резать. Дрожащими руками подношу скальпель к его груди, делаю глубокий надрез, вынимаю из-под ребер одну иглу, затем другую. А больному — хоть бы что, даже глазом не моргнул. Я замазал ему рану йодом, обработал, перевязал, тот встал и пошел в барак. Так прошла моя первая операция в этой медчасти.

— Какой случай из вашей практики можно отнести к разряду особых? Что поразило, потрясло, показалось диким?

— Всего не припомнишь... Ну вот, к примеру: приходит ко мне зэк по фамилии Лапшин, просит направить его в госпиталь, утверждая, что проглотил гвоздь. Оказывается, Лапшин проигрался в карты и возвращаться в колонию ему нельзя — убьют. Я начал допытываться, правда ли то, что он сказал, а Лапшин вдруг вынимает из кармана гвоздь и на моих глазах погружает его себе в рот. Представляете? В прихожей на вешалке вместо крючков были вбиты 125-миллиметровые гвозди — вот откуда гвоздь взялся. Отвезли Лапшина в больницу, там прооперировали. Но в колонию он уже не вернулся: в больнице несколько раз вспарывал себе живот, пока не умер. После этого я долго не мог прийти в себя. Знал ли я тогда, что перед моими глазами пройдет еще столько ожогов, инфарктов, самоубийств! Что впереди — массовые отравления, бунты, беспорядки...

"Снолевская" больница

Молодого способного врача заметили "наверху": в 25 лет он становится начальником медицинской части колонии, а еще через два года получает должность заместителя начальника межобластной больницы УИТУ МВД Татарии.

На дворе май 1964 года, и уже старший лейтенант Сноль в первый день приходит в больницу на руководящую должность. Ему вслед зэки больше не кричат: "Стиляга! Лепила!" — а вежливо расступаются перед "гражданином начальником". В первый же день в больнице ЧП — больные в туберкулезном отделении перепились и захватили отделение!

— Дежурная служба предлагает применить силу. Я решил попробовать обойтись без крайних мер. Открываю дверь отделения — тихо; осторожно прохожу дальше по коридору...

— Но пистолет-то хоть при себе имелся? — спрашиваю его.

— Что вы! С оружием на территорию зоны вообще нельзя было входить, только в

последние годы дежурной службе разрешили иметь баллончики со слезоточивым газом. Так вот, прохожу по коридору, открываю следующую дверь — тишина. И неизвестно, то ли там никого нет, то ли они притаились и ждут. Трезвые вряд ли бы подняли руку на врача, тем более на начальника больницы, а вот от пьяных можно ожидать чего угодно. Я обошел все палаты, но пьяных не нашел — они из больницы по крышам перебежали на территорию колонии. Потом их отловили и наказали.

При Аркадии эту больницу в Казани называли "снолевской". Сколько было отдано его сил, времени, нервов, чтобы вывести допотопную "больничку" на должный уровень, где больной смог бы получить медобслуживание не хуже, чем в любой городской больнице! Была переоборудована операционная, открыты две лаборатории, увеличен штат врачей.

— У нас в больнице была лестница — литая, чугунная. Мыли ее только соляжкой, чтобы блестела. Не лестница — красавица!

Я слушаю его и ловлю себя на мысли, что Аркадий — счастливый человек. Каждый ли из нас может сказать, что любил свою работу? С какой неприязнью мы порой вспоминаем свои рабочие кабинеты, заводские цеха, лаборатории. А этот Сноль — даже о лестнице в больнице рассказывает с упоением!

Я — Арзамитчик!

Самым серьезным ЧП, с которым пришлось столкнуться Аркадию, было массовое отравление в одной колонии, которая в отдаленном районе Татарии строила химкомбинат. Некоторые конструкции там обрабатывались антикоррозийной жидкостью "Арзамит-5". Осужденные понюхали — пахнет спиртом. Для пробы дали выпить двоим, те опьянели. Тогда приложились еще несколько человек. Контролеры уволокли пьяных в штрафной изолятор. А по колонии уже пополз слух: спирт! Начали пить. Вскоре у многих появились признаки отравления. Больных срочно отвезли спецрейсом самолета в больницу, по тревоге были созваны врачи.

— Это была страшная картина: на койках — около сорока человек, у самых тяжелых слизистая оболочка глаз стала кровавой и настолько отекала, что выпирала из-под век. Мы пересмотрели литературу, советовались со специалистами, но нигде не нашли четких ответов, каким образом эта жидкость поражает организм. Тогда пошли по принципу — "размывать" больных. Поставили перед каждым чайник с водой: "Пейте как можно больше!" Позже выяснилось, что мы приняли правильное решение: "Арзамит" вызывает сгущение крови. Почти трое суток медперсонал практически не выходил из больницы, боролись за каждого. К сожалению, двух человек спасти не удалось... Мне потом часто приходилось иметь дело с отравлениями тормозной жидкостью, антифризом, клеем БФ, но этот случай был самым сложным. Некоторые осужденные потом с гордостью о себе говорили: "Я — арзамитчик!"

Чему учат зэки

— За столько лет работы вы хорошо изучили психологию заключенных. Можете ли обрисовать ее в основных чертах?

— Заключенные очень болезненно реагируют на обман. Ведь большинство из них считают себя незаконно или слишком строго наказанными, поэтому у них формируется психология жертвы. Обман эки воспринимают как очередное унижение. Беспорядки и бунты в колониях часто возникали из-за обманов тюремной администрации. Я веду к тому, что заключенные научили меня быть предельно честным по отношению к ним. Я никогда им ничего не обещал, если не был уверен наверняка, что смогу это выполнить. В то же время я был обязан сохранять субординацию "врач — больной", поэтому четко обозначил границы личных отношений. Ведь какой это народ — сегодня тебя попросят бросить письмо в почтовый ящик, а завтра предложат деньги, чтобы ты принес в зону пачку чая. Я крайне редко принимал от них подарки — различные самодельные ручки, зажигалки и так далее.

Кстати говоря, точно так же себя ведут и мои пациенты-американцы, которые, отсидев в тюрьме, лечатся от наркомании под надзором прокуратуры. Они разыгрывают сцены во врачебных кабинетах, симулируют психические болезни, пытаются манипулировать врачами, угрожают, короче, знакомая публика — всё тот же преступный мир.

— Неужели вы всегда сдерживаетесь? Ни разу не ответили хаму?

— Ни разу. Во-первых, оскорблять осужденного запрещал закон, разрешалась единственная форма обращения "гражданин осужденный". Во-вторых, поднять на осужденного руку или по-хамски ответить — это значит показать слабость, поддаться на провокацию. К тому же при малейшей несправедливости от эков сразу следовали жалобы "наверх". И чего они только не писали обо мне и о больнице: что я израильский шпион, что наши медсестры продают спирт, что повара воруют мясо. Приезжали комиссии, но серьезных нарушений не обнаруживали.

Но в последние годы ситуация с продовольствием и медикаментами ухудшилась по всей стране и, естественно, в тюрьмах. Казань превращалась в криминальный город, власть переходила к мафии. Изменился и контингент заключенных, и их отношение к медперсоналу: если когда-то перед врачом осужденные уважительно расступались, то в последнее время такое наблюдалось все реже, на врачей стали нападать, брать их в заложники...

Прощаясь с Аркадием, я думал: что же заставило его связать свою жизнь с этой больницей, иметь дело с эками, рисковать? Чувство долга? Но вовсе не похож он на служаку. Карьера? Но блестящую карьеру он мог бы сделать и на гражданке. Тщеславие, престиж? Об этом не может быть и речи.

Есть в этом человеке трудно выразимое словами качество: не показное геройство и

не желание выделиться, а нечто совсем противоположное.

И еще: его успеху в Америке можно позавидовать. Приехав сюда уже в далеко не молодом возрасте, Аркадий окончил специальные курсы, освоил английский и уже много лет работает в американской клинике. Прозвучит странно, но — спасибо казанской зоне, именно там он прошел школу выживания и получил закалку, которая помогла ему и в Америке...

— Почему такая несправедливость? — в дверях, уже прощаясь, риторически спрашивает Анна. — Столько написано о разведчиках, военных, о тех, чьи профессии связаны с постоянным риском. О тюремных же врачах сказано незаслуженно мало.

Абсолютно с нею согласен. Надеюсь, что короткий рассказ про Аркадия Сноля хоть чуточку заполнит этот пробел.

2016 г.

Эребуни на Гудзоне

Сумерки обволокли это здание в Манхэттене. В темноте скрылись входы и выходы, купол и крест. И только изнутри сквозь разноцветные витражи в темноту льется свет. Там горят поминальные свечи и лампы. Это Собор святого Вартана.

"Хокеангист" — по-армянски "панихида". Неотъемлемая традиция христианства — молиться за тех, кто уже в Царствии Небесном. В эти апрельские дни во всех армянских церквях мира служат панихиды по жертвам погромов.

Говоря об армянском народе, всегда подразумеваешь Крест. Нация, первой признавшая христианство государственной религией, избрала свою судьбу. Вся последующая история — войны, геноцид, рассеяние — трагедия и триумф народа, добровольно принявшего Крест. И неудивительно, что, знакомясь ближе с армянской общиной Америки, словно перелистываешь страницы, в которых описан очередной погром из-за веры, окровавленный ятаган и бегство на чужбину.

Но с первыми армянскими переселенцами в Америку дело обстояло достаточно спокойно. История хранит свидетельства того, как с 1834 года за высшим образованием в американские университеты стали приезжать молодые армяне из богатых семей. Некоторые выпускники оставались в Новом Свете, закладывая основы спюрка — армянской диаспоры. По настоятельной просьбе трехсот армян в Массачусетс приехал первый армянский священник, а в 1891 году там была построена первая в Северной Америке армянская церковь. Последующих же армянских эмигрантов корабли и самолеты привозили в Новый Свет, спасая от гибели.

Девяносто лет назад начались погромы, ставшие для этого древнего народа самой черной страницей его истории. Турецкие гонения армяне терпели на протяжении десяти веков (первая резня датирована 1045 годом). Но за все это время никогда так реально не возникала угроза полного истребления нации, как это было в 1915 году.

В те годы Армения была поделена на две части: Восточная находилась в составе

Российской империи, Западная — под владычеством Османской империи. После начала Первой мировой войны западные армяне попытались добиться независимости и выступили против турок. Но могла ли горстка людей бороться с самым жестоким в те времена исламским государством-тираном?

Власти Османской империи объявили, что "намерены окончательно решить армянский вопрос". За полтора года были вырезаны около одного миллиона двухсот тысяч армян, триста тысяч насильно обращены в ислам, еще триста пятьдесят тысяч бежали из страны. Было уничтожено около 75 процентов населения Западной Армении, в то время это составляло почти половину всего генофонда народа. Документы, связанные с этим геноцидом, — описания очевидцев, фотографии, свидетельства палачей, — хранятся в архивах в Армении, Европе и США.

История, однако, на этом не заканчивается. Начало 50-х годов — жестокие притеснения армян в Сирии и Ливане; 60-е годы — в Ираке и Иране. И уже относительно недавно: февраль 1988 года — Сумгаит, январь 1990-го — Баку.

Ануш Сусанова — учительница. Лет эдак тридцать назад, когда Ануш была еще ребенком, ей рассказывали историю, как ее бабушка в 1918 году, спасаясь, бежала из Баку с двумя детьми. По дороге в Петровск (Красноводск) бабушка умерла от тифа. Осиротевшие сестры ходили по улицам города, прося милостыню, пока одну из них не забрали в американский приют, а вторую пригрели в своем доме чужие люди. Сестры разлучились навеки.

Ануш помнит, как ей всегда было интересно представлять, что где-то, в стране за океаном, живут ее родственники, продолжающие их род, но ничего не знающие друг о друге. Могла ли она предположить, что спустя семьдесят лет история повторится уже с ней?

— Я никогда не забуду те дни. Никогда... — Ануш смотрит перед собой, и ее большие черные глаза становятся еще чернее. — Они ввали, что в Сумгаите было убито 36 человек. Мы еще тогда жили в Баку, и моя мать попала в больницу. Я видела в ее палате женщин, которых привозили в больницу из Сумгаита: переломанные головы, изувеченные тела... А потом у нас, в Баку, по улицам разгуливали молодчики с завернутыми в газеты металлическими прутьями. Они избивали армян среди бела дня, а "скорые" приезжали, когда человек уже был мертв. У нас дома под кроватью лежал топор... Мы успели бежать в Армению еще до резни. Самолет был набит битком. У меня есть друзья среди азербайджанцев, но я понимаю чувства тех армян, которые хотят мстить за своих родных.

Потом была блокадная Армения. Вернувшись с работы домой, накормив сына хлебом и недоваренной кашей, Ануш ложилась спать. Ни света, ни газа.

— Наверное, нужно быть патриотом и жить сейчас там, в Армении. Но, признаюсь, когда я получила въездную визу в Америку, была счастлива.

Получить въездную визу в американском посольстве, однако, непросто. Армяне — не исключение. В начале 90-х в соответствии с поправкой к иммиграционному закону Конгресс США выделил некоторые страны, в которых нарушались права человека, и увеличил квоту для беженцев. Но уже задолго до этого пороги американского посольства в Москве обивали азербайджанские армяне, лишенные крова и средств к существованию.

Вашингтонский центр обработки данных, куда приходили сотни заявлений, неофициально увеличил количество приглашаемых на интервью армянских семей. Армянская диаспора и различные правозащитные организации лоббировали Госдепартамент, требуя придать эмиграции армян из Азербайджана в США силу закона.

Но дело продвигалось крайне медленно: армянское лобби в Америке оказалось недостаточно сильным, не хватало специалистов, денег, документы застревали в различных бюрократических инстанциях. А в Вашингтоне тем временем сменилась власть, на Капитолийском холме заговорили о том, что Америка, дескать, переполнена иммигрантами, от которых больше вреда, чем пользы, пора "опускать занавес"...

В итоге закон принят не был. На произвол судьбы были оставлены тысячи бесправных армянских семей. Так в очередной раз была поправа великая американская традиция — давать приют отверженным и гонимым.

Акоп Торосян зимой пишет картины для армянских церквей США и Канады, а с приходом весны и до глубокой осени он — в Центральном парке, рисует портреты прохожих.

В Америку его пригласил знакомый, пообещав предоставить мастерскую для выполнения заказа. Акоп взял холсты, кисти, подрамники, даже гвозди — кто может все предугадать? — и отправился в путь. В аэропорту его никто не встретил.

Узнав, что в Центральном парке работают уличные художники, он пошел туда. На табличке случайный прохожий ему написал: "Художник из России. Не говорит по-английски. Цена одного портрета — 25 долларов".

С тех пор прошло десять лет. За это время Акоп внешне мало изменился: по-прежнему худощав, такая же густая, на пол-лица борода. До глубокой осени он все там же — в Центральном парке. Правда, английским Акоп уже владеет свободно, а за каждый портрет берет не 25, а 50 долларов. Когда он пишет, за его спиной обычно

выстраивается полукруг зрителей.

Когда-то в Москве его называли Арбатский Акоп, теперь его называют Нью-йоркский Джейкоб. Акоп уже стал своего рода визитной карточкой Нью-Йорка, о нем не раз писали городские газеты и журналы, его фотографию напечатали в ежегодном престижном фотоальбоме "Настоящие ньюйоркцы".

Когда Акоп не в духе, его раздражает в Нью-Йорке все: небоскребы, грязь, лимузины. В такие дни он запирается в своей мастерской, как в келье.

— Что здесь, в Америке, за жизнь? Рабство, да и только! Каждый месяц плати — за аренду квартиры, за медстраховку, детям за колледж. Какие-то дурацкие проценты, штрафы, налоги. Бухгалтером нужно быть, чтобы во всем этом разобраться! В Америке хорошо быть либо очень бедным, либо очень богатым. А простому работающему человеку — э-э... Скучаю ли по дому? — пауза. Ярко горит лампочка в его мастерской. — Иногда мне снится деревенская церковь Ариче, где я писал пророка Иеремию. Словно вижу ее древние камни, на которых сотни лет назад кто-то высекал кресты... Наверное, нужно быть сейчас там, — он закуривает и смотрит в окно. — Но в Армении нищета. Когда человек вынужден думать только о хлебе, ему не до искусства.

Сегодня на территории США и Канады проживает около миллиона армян. Большинство осело в Калифорнии, где природа схожа с природой Армении — жаркое солнце, сухой климат и плодородная почва. Говорят, что в некоторых местах Калифорнии армяне выращивают точно такие же сорта винограда, что и в Армении.

В Городе Большого Яблока армян около 50 тысяч. Здесь, конечно, нет такого ласкового солнца: летом душно, зимой сыро и ветрено. Зато Нью-Йорк по-прежнему остается городом иммигрантов, где меньше, чем в остальной Америке, предрассудков против иммигрантов и легче найти работу. И еще здесь кафедральный Собор святого Вартана, где помогают вновь прибывшим.

В Америку по-прежнему продолжают приезжать армяне и остаются здесь — легально или нет. Идиллические отношения между старожилками и новичками, увы, не сложились. Старожилы считают себя "истинными" армянами, потому что в отличие от бывших "советских армян" сохранили традиции, религию, язык. А новоприбывшие упрекают "американских братьев" в консерватизме, самодовольстве, черствости. Сытый голодного не понимает...

Дело в том, что костяк спюрка составляют дети армян, прибывших в США из стран Ближнего Востока полвека назад — в основном из Ливана, Сирии и Ирана. Они уже пустили глубокие корни в американскую землю и чувствуют себя здесь не в гостях, а дома. Вот два типичных армянина в США: один — уверенный в себе, его родной язык английский, а второй армянский, диплом американского колледжа, свой дом и так далее. И другой армянин — вчерашний инженер из Баку, с печатью униженности на лице, ни кола, ни двора, по-английски говорит плохо. Много ли между ними общего?!

— Он такой человек — шесть языков знает! Он будет с тобой даже на древнегреческом разговаривать, а ты его поймешь. Ведь есть только один язык — язык любви. К тому же он говорит очень просто. А чтобы говорить просто, ба-а-альшой ум нужен. Это только дурак говорит сложно, — уверял меня Акоп, когда мы с ним приближались к резиденции архиепископа.

О Киликийской армянской церкви мне приходилось слышать много странного. Ходят слухи, что Киликийская церковь — реакционная, поддерживает националистов, не признает сегодняшнюю Армению, "бывших советских" армян презирает. (В армянской Церкви существуют два Католикоса: первый — Католикос всех армян, Эчмиадзинский, живет в Армении; второй — Католикос Киликийской армянской церкви, его резиденция находится в Ливане. — *Авт.*)

...Мужчина, сидящий за столом, отложил четки и протянул руку для пожатия.

Месроб Ашиян — архиепископ Киликийской армянской церкви. Решение посвятить свою жизнь служению Богу пришло ему в пятилетнем возрасте, когда он стоял со своим отцом на литургии в армянской церкви в Ливане. И звали его тогда Краиром. А имя Месроб (в честь основателя армянской письменности) он получил в двадцать лет, приняв иноческий постриг. Ашиян окончил духовную семинарию в Ливане, учился в институтах Швейцарии, Франции и США, получил звание мастера теологии. Сегодня он духовный пастырь армянских церквей на Восточном побережье США и Канады.

Несмотря на избыток работы, которую принято называть текучкой, и наперекор тому, что живет в "дьявольском" Нью-Йорке, Месроб Ашиян ведет монашеский образ жизни. В последнее время он занят основанием первого в Америке армянского монастыря и часто ездит "на консультации" в русские православные монастыри в Джорданвилль и Ново-Дивеево. И еще он надеется, что в скором будущем воссоединятся армянские Церкви.

— Не все знают о расколе армянской церкви и армянской общины в Америке. Расскажите, пожалуйста, как и почему это произошло.

— В тридцатых годах в Америке уже существовала сильная армянская община. В 1932 году из советской Армении в Нью-Йорк приехал архиепископ Турьян, настроенный крайне прокоммунистически. Увидев перед входом в церковь наш трехцветный флаг, он пожелал его снять и вместо него повесить флаг советской Армении. Естественно, это вызвало недовольство у части общины. Произошел раскол. Одна группа поддержала "советского" епископа, другие обратились к Католикосу Киликийской армянской церкви в Ливане с просьбой прислать им своего пастыря. В 1957 году в Америку приехал епископ Киликийской армянской церкви. С этого времени в Америке существуют как бы две армянские общины и церковный раскол окончательно обозначился.

Причины раскола были не теологические и не церковные, а исключительно

политические. Но сегодня многое меняется. Сейчас на Литургиях мы молимся за двух Католиков — Гарегина I и Арама. Священники Киликийской церкви часто ездят в Армению. Конечно, за долгие годы накопилось немало взаимных обид и претензий. Но я молюсь о том, чтобы две церковные общины слились. Ведь две разъединенные Церкви на один такой маленький народ — это большая роскошь, точнее, кровоточащая рана.

Сегодня в Армении тяжелая ситуация, и мы, насколько это в наших силах, помогаем ей деньгами, медикаментами, одеждой, книгами. Если плохо Армении, нет счастья и в спюрке. Понимаете, ведь независимо от того, кто я, к какой Церкви принадлежу, я в первую очередь, всегда и до гроба — армянин.

— Насколько мне известно, армяне диаспоры, объединенные вокруг Киликийской церкви, мечтают о возвращении Армении восточных земель Турции. Так ли это?

— Восточные земли нынешней Турции для меня остаются землями западной Армении. Мои родители родились в небольших городках Аданак и Палмо, которые были нашими и отошли к Турции после резни 1915 года. Там наши корни, и мы не должны забывать об этом. Однако нужно учитывать и то, что Турция — наш сосед. От нее сегодня во многом зависит экономическая ситуация в Армении.

— В 1915 году власти Османской империи объявили о своем намерении "окончательно решить армянский вопрос". Ваш народ пережил огромное несчастье. Этот геноцид признали многие страны и международные организации, включая Европарламент. Действия турок по отношению к своим беззащитным жертвам были объявлены преступлением перед человечеством. Однако США уже который год продолжают вести двойную игру, разыгрывая "армянскую карту" в своих отношениях с Турцией. Позиция ООН тоже остается неопределенной.

— Честно признаться, я мало верю в то, что ООН признает этот геноцид. Но мы очень ожидаем положительного решения от Америки. К сожалению, политики часто руководствуются сиюминутными политическими интересами, что таит опасность для будущего. Ведь если бы Турция сразу была наказана, если бы другие страны без промедления осудили эту резню, то, быть может, не было бы ни Гитлера, ни Холокоста, ни шести миллионов загубленных евреев.

В дни, когда мы поминаем наших братьев и сестер, я хочу попросить всех помолиться за невинно убиенных в этой резне. А каждый армянин, в чьем сердце живет прекрасная Армения, пусть пойдет в церковь... или, если он занят, пусть хоть две минуты помолится наедине с собой за наших предков.

2005 г.

Арестуйте моего сына!

Открыто для всех.

Сегодня трудно определить, когда слова Татьяны соответствуют действительности, а когда сказанное ею — домысел, плод болезненного воображения. Полусогнутая, она ходит по квартире в многоэтажном доме в районе Дилэнси, который уже не первый год занимает лидирующее место в Манхэттене по продаже наркотиков. Знаменитая Pits Street находится недалеко от дома, где живет Татьяна. Наркоторговцы, в основном пуэрториканцы, живущие на Pits Street, обнаглели до того, что продают наркотики прямо из окон своих квартир.

Но из дома, где живет Татьяна, отправляться так далеко, чтобы купить наркотики, вовсе не обязательно. Достаточно подойти к ближайшей бакалейной лавке, и стоящие у входа пуэрториканцы предложат пакетик с порошком. А можно обратиться и к кому-нибудь из соседей по дому. К примеру, к пуэрториканцу этажом выше, на дверях квартиры которого приколоты бумажка "Открыто для всех". Как ненавидит Татьяна и эту бумажку, и проклятую улицу! Она гасит в комнате свет и подкрадывается к окну. Осторожно отодвинув штору, всматривается в дом напротив.

— Видите три темных окна? Там живет семья крупного наркоторговца. Зажженная красная лампа — это сигнал того, что у них есть наркотики. Когда же их наконец арестуют?!

В полумраке комнаты видны очертания инвалидного кресла и одного стула. Никакой другой мебели.

— В этой комнате жил Гарик, — предупреждая мой вопрос, говорит она. — Где мебель? Он ее продал, отнес на шестнадцатый этаж к соседу и поменял на героин. Новая кровать, шкаф, компьютер, телевизор, новая машина... Где все это?! Ушло на наркотики. А где Гарик? Обокрал и меня, и себя.

Я — джанки!

Найти в этой истории конкретных виновников сложно. Стечение обстоятельств, бюрократизм, вероятно, генетическая предрасположенность к наркомании — все это может показаться общими словами, и все это тем не менее сыграло свою роль в трагедии.

Началось с автокатастрофы: двадцатилетний Гарик, выполняя заказ своего босса, неся на служебной машине по шоссе из Бруклина в Квинс. Неожиданно впереди начал разворачиваться трак, перегородив всю дорогу. Оставалось либо въезжать на встречную полосу, либо лететь в кювет, либо врезаться в трак. Времени на размышления не было, и Гарик выбрал последний вариант: нажав на тормоз, уперся в руль и зажмурил глаза...

В госпитале установили — у парня перелом позвоночника. Пока медики советовались, делать операцию или повременить, боли у Гарика не утихали, и ему кололи морфий. Правда, через две недели у медсестры начали возникать подозрения в искренности таких сильных, не лишенных театральности, страданий больного. Но

парень так кричал и умолял сделать ему укол, что медсестра соглашалась. После введенной дозы он успокаивался.

Решив отложить операцию на пару месяцев, Гарика выписали. На него надели специальный корсет, позволяющий двигаться и не быть постоянно прикованным к инвалидному креслу.

— Неужели вы не видели, что после выхода из госпиталя с сыном происходило что-то неладное? — спрашиваю у Татьяны.

— Представьте себе, нет. Когда я утром уходила на работу, он еще спал, а вечером, когда возвращалась, обычно встречал меня со словами "Мамуля, привет". Мы ели, разговаривали. Я ему верила, ведь Гарик хитрым никогда не был.

Первое подозрение в материнское сердце закралось накануне операции, когда Гарик должен был сдать анализ крови. Он сбежал из лаборатории. На вопрос матери — почему? — сын ответил: "Я передумал делать операцию. Срастется и так".

Затем из ее карманов и кошелька начали пропадать деньги. "Мама, ты, наверное, забыла, что их потратила", — с повышенной горячностью уверял сын.

Потом в квартире появился стойкий запах рвоты и хлорки. Сколько мать ни спрашивала, почему дома такая вонь и куда пропадает хлорокс для стирки, Гарик уклончиво отвечал: "Стирал джинсы" или "Вырвало, наверное, чем-то отравился". Кстати, ел он все меньше. Если когда-то холодильник опустошался в мгновение и от сына поступали постоянные заказы: "Мамуля, приготовь баклажаны с уксусом и орехами. Ма, хочу люля-кебаб!" — то теперь к еде он почти не притрагивался и худел на глазах!

Мать продолжала работать с утра до вечера санитаркой в госпитале, брала подработки, выходила по праздникам, понимая, что теперь вся надежда только на нее. С ее единственным сыном, ради которого она уехала из Грузии в США, случилось такое горе! Но раз жизнь с ним так жестоко обошлась, он не должен ощущать себя ни в чем обделенным — и мама купила ему дорогую одежду, компьютер, электронику. Да что мелочиться?! Сняла в банке скопленные деньги — и получай новую "Мазду"!

Все раскрыл телефонный звонок из госпиталя. Татьяна сняла трубку, и чей-то голос ей сообщил, что у Гарика "плохой результат". Слабо владея английским, Татьяна не смогла точно разобраться, о чем шла речь, но поняла, что с сыном нужно серьезно поговорить. Спокойствие далось ей с трудом:

— Если у тебя СПИД — признайся. Мы ведь живем вдвоем в одной квартире, и мне придется быть более осторожной.

— Нет, мама, я — джанки.

— Кто? — не поняла Татьяна.

— Джанки! Наркоман!

И сын рассказал, что после выписки из госпиталя у него порою начинались боли в позвоночнике, но он уже не хотел их терпеть, потому что, оказывается, от физических страданий существует прекрасное средство — морфий или другие наркотики. И когда он принимал купленный героин, боль как рукой снимало. А потом он стал покупать

наркотики уже для того, чтобы поймать кайф.

Теперь многое ей стало понятно: и пропадавшие из карманов деньги, и запах рвоты — по утрам у него начинались "ломки" и рвало; чтобы перебить этот запах, он все заливал хлоркой.

Но он был таким хорошим, ее мальчик!

— Я пойду лечиться! Завтра же!

Татьяна проревела всю ночь, но утешало одно: завтра утром они пойдут в госпиталь, Гарик пройдет курс детоксификации, вылечится, потом ему сделают операцию, и жизнь образуется. Она имела крайне туманное представление о том, что такое наркотики, и ощущения катастрофы у нее еще не было.

Знала ли тогда Татьяна, что тот госпиталь станет не последним, а только первым кругом ада, через который предстояло пройти ей и ее сыну?

Черные дыры

Сегодня эта квартира хранит явственный отпечаток жизни своего бывшего обитателя-наркомана. И первый след, который сразу бросается в глаза, — это сотни черных дырок, прожженных в линолеуме на полу. Нанюхавшись героина, Гарик закуривал сигарету и засыпал, вернее, погружался в "хай". Сигарета выпадала из рук. Блаженно улыбаясь, он прикуривал вторую, третью... Черные дыры в спальне, в коридоре, на кухне, от них рябит в глазах. А вот вырванная с мясом дверь кладовки, где на вешалках висела мамина одежда, в которой могли быть деньги. А вот на наружных дверях четыре новых врезанных замка и цепочка — чтобы ни он, ни его дружки не смогли открыть дверь и проникнуть в квартиру. Пустая, почти без мебели, комната, пустой шкаф, в котором когда-то висели его кожаные куртки, плащи, костюмы. Но самый жестокий след — это его 56-летняя мать, которая выглядит сегодня глубокой старухой...

Татьяна тяжело встает со стула, открыв холодильник, достает оттуда консервную банку. Предчувствуя пир, виляет хвостом кот Мурзя.

— Собираю пустые банки на улице, чтобы купить ему еду, — Татьяна высыпает коту снесь на блюдце. — На всем экономлю — хожу на работу и с работы пешком. Я нищая! Три года назад у меня на счету было пятьдесят тысяч долларов. Теперь, когда иду по улице и смотрю под ноги, везде вижу пакетики. Я уже ученая, знаю, какие от героина, какие от кокаина.

Внизу слышится визг тормозов и раздаются какие-то крики. Татьяна гасит свет и осторожно отодвигает штору. К дому подъехала полицейская машина.

— Это за ними! Наконец-то! — ликует Татьяна.

Однако в наручниках никого не выводят, и через несколько минут полицейская машина отъезжает. Грустно вздохнув, Татьяна отпускает штору.

В первый раз

Утром они появились в госпитале "Бэс Израэль", но свободных мест там не оказалось. Им посоветовали подождать или поехать в другой госпиталь — "Литтл Нэк". Опять не повезло: медицинскую страховку, которая была у Гарика, там не принимали. Ни с чем возвратились домой.

— Мама, не переживай, я брошу сам! — заверил сын.

Опять поверила. Да и разве может ее Гарик обманывать? Ведь он такой наивный, а теперь-то скрывать ему нечего и незачем. Татьяна, простая душа, не понимала, что сын уже стал другим: как и любой наркоман, он отныне будет изощренно хитрить, врать, цинично божиться, валяться в ногах, шантажировать. И все ради одного — получить деньги на наркотики.

Из квартиры продолжали исчезать деньги и вещи: золотая цепочка, серьги, бриллианты. Она находила пакеты с порошком в книгах, в спичечных коробках, даже в песке для кошки. Все больше переставая верить сыну, Татьяна сама пошла в очередной госпиталь и договорилась, что сына примут на детоксификацию. Согласился и Гарик.

Утром они появились в зале ожидания. Их долго не вызывали. Гарик пошел в туалет и долго не возвращался. Вдруг дверь отворилась, и оттуда его вывели с заломленными за спину руками — переодетый охранник заметил, что Гарик в туалете нюхал героин. Прибыла полиция, и Гарика увезли в тюрьму. Мать упала в обморок.

Это была первая тюрьма в его жизни. Он побывает там еще. Но уже во второй раз Татьяна сама позвонит в полицию и попросит: "Я знаю, где он сейчас находится. Прошу вас, арестуйте моего сына!"

Замкнутый круг

За решеткой Гарик пробыл два месяца. Он прошел курс детоксификации, принимал метадон. Вышел на свободу, заметно поправившись, не то что раньше — доходяга, ткни пальцем — упадет. Его выпустили с условием, что он пойдет на специальную лечебную программу. День освобождения, однако, выпал на пятницу. В субботу и воскресенье в амбулаторных клиниках мало персонала, новых клиентов почти не принимают. Гарик томился дома, полистал и отбросил в сторону книжку...

— Он попросил деньги на кино, и я, любящая идиотка-мать, сразу дала. А ночью, помню, он ходил, как лунатик, по квартире, с вытаращенными, ничего не видящими глазами. Ударился о косяк двери, расшиб голову и упал. Я прощупала пульс — сто восемьдесят! Не знаю, как его сердце такое выдержало.

Она умоляла его идти лечиться, сын соглашался. Они приходили в очередной госпиталь. Татьяна отдавала Гарику сумку с вещами и бежала на работу. Однако через несколько дней Гарик опять появлялся на родном пороге.

— Почему ты ушел?

— Там один нарколог заставил мыть стены, я сказал, что не могу — болит позвоночник. Он начал на меня орать, и я его послал...

В другой лечебнице Гарика никто не заставлял перетруждаться, но он сам не выдержал: выскользнул на улицу, купил героин и попытался пронести его обратно, за что и был изгнан. В третьем ему не понравился тон врача, в четвертом слишком строгий режим, в пятом... "Белвью госпиталь", "Квинс госпиталь", "Арт госпиталь"... хроника тех лет матери и сына состояла из бесконечных хождений по нью-йоркским больницам, куда Гарик ложился и откуда сбегал.

А деньги продолжали таять. Татьяна приостановила страховку на жизнь, взяв обратно выплаченные десять тысяч долларов, потеряв при этом четыре тысячи. Экономила, на чем могла, но каждый вечер, вернувшись с работы, находила на прожженном полу пустые стеклянные трубочки и спящего сына с дымящейся сигаретой в руках...

Как-то раз он попросил двести долларов — якобы отдать долг. Уже почти автоматически, Татьяна взяла карточку и пошла в банк. Оказалось, что на счету остались последние шестьдесят восемь долларов! Она вдруг опомнилась. Безумию настал конец.

Будьте мужественной!

Ангелами-спасителями для этой женщины стали врачи одной амбулаторной наркоклиники. Именно они подвели мать к такому выбору: либо она позволяет сыну воровать и выклянчивать у нее деньги на наркотики, что в конце концов его погубит, либо пусть закроет перед ним дверь и не впускает в квартиру.

— Он должен понять, что теплый дом, еда, деньги — все это для него потеряно до тех пор, пока он не пойдет лечиться! — повторяли врачи. — Пусть поймет, что отныне для него останется только грязь и холод, а главное — денег на наркотики ему больше взять неоткуда. Наберитесь сил и будьте мужественной. А еще лучше — заявите на своего сына в полицию!

В полиции Татьяне ответили, что арестовать ее сына просто так не могут, нужен состав преступления.

— Он кого-то ограбил? Обворовал? Угрожал? — спрашивал коп.

— Ограбил? Угрожал? Нет, что вы...

— Тогда мы не можем вам помочь.

Пав духом, Татьяна возвращалась из полиции домой. И вдруг — конечно, ограбил! Конечно, угрожал! Ей нужен документ на защиту от собственного сына! С полпути она вернулась и запросила специальный документ — order of protection, сказав, что Гарик ей угрожает расправой из-за денег. Теперь любое появление Гарика в ее квартире или в этом доме было уголовно наказуемо.

Сын не придавал этому документу никакого значения: неужели его всегда покорная мать на такое пойдет? Не обратил он особого внимания и на новый врезанный замок.

Однако на этот раз Гарик просчитался. Мать стала мужественной, потому что любила его.

Он пошел лечиться в очередной госпиталь, но вечером снова раздался звонок в дверь. Предчувствуя недоброе, Татьяна подошла к двери.

— Мамочка, открой! Я голодный! Я замерз!

— Ты опять сбежал? — спросила Татьяна, опустив руку на замок.

— Я только переночую, а утром пойду лечиться. Мне нужно вернуть долг. Мамочка, меня убьют, если я им не отдам сто долларов. Они стоят под домом с пистолетом!

— Я тебя не впущу, — спокойно ответила Татьяна. Ее ладонь, лежащая на замке, не шевельнулась.

Он долго кричал, плакал, потом ушел. Затем кто-то звонил по телефону, на ломаном английском предупреждал, что Гарика застрелят. Стучались соседи, сообщая, что ее сын в одних брюках и рубашке валяется на бетонных ступеньках, а сейчас лютая зима. Но Татьяна не открывала.

— И как же вы, мать, могли оставаться в теплой квартире, зная, что ваш сын валяется полураздетым на холодных ступеньках и его могут убить?!

Она смотрит мне прямо в глаза:

— А вы думаете, мне было легко? Я сидела под этой дверью и ревела белугой. А потом позвонила в полицию и сообщила, что Гарик нарушил order of protection и появился в доме. Я сказала, что он лежит на лестнице, пусть приедут и арестуют его. Потому что тюрьма — это три раза в день еда, чистая постель и метадон. Тюрьма — его спасение. После этого у меня был сердечный приступ...

Ему — четыре месяца

— Гарик вышел из тюрьмы с направлением на одну лечебную программу. Попросил у меня денег на проезд. Дала ему денег на автобус и предложила: "Хочешь, поедем вдвоем?" Но он отказался: "Нет, не нужно. До этого я пытался лечиться для тебя, а теперь — для себя". И уехал. Приезжаю к нему через две недели, вижу — в сыне что-то положительно изменилось. Сказал, что в отличие от других лечебниц здесь ему нравится.

— А где он сейчас?

— В том же реабилитационном центре, от Нью-Йорка туда ехать на автобусе два часа. Скоро исполнится четыре месяца, как он там. По выходным езжу туда: он выглядит великолепно, подтянут, занимается в спортзале, плавает в бассейне. Просит привезти книжки и его любимые баклажаны с уксусом и орехами.

Возвращение

Эта квартира постепенно приобретает нормальный вид: появился телевизор, кое-что из мебели. Татьяна занята поисками нового жилища — где угодно, лишь бы подальше от проклятой Pits Street! Она уже редко вздрагивает от вечерних звонков в

дверь или по телефону. Работает в том же госпитале санитаркой. Недавно ей повысили зарплату.

Жизнь изменилась, но кошмары недавнего прошлого продолжают мучить. Татьяна почему-то уверена, что ее вещи и деньги продолжают исчезать, а она — навсегда нищая. Она хорошо помнит, какой испытала ужас, когда на мониторе банковской машины засветилось \$68. Поэтому иногда она подбирает на улице пустые бутылки. И вечерами, выключив свет, неподвижно стоит у окна за темной шторой в ожидании, что вот-вот нагрянет полиция и из подъезда в наручниках выведут тех, кто продавал ее сыну наркотики.

2017 г.

В ночь на Рождество в Джорданвилле

Вырвавшись из Нью-Йорка, моя машина мчалась на север. Черная полоса дороги, заснеженные холмы. В Нью-Йорке еще дожди, слякоть, а здесь, на севере штата, уже настоящая зима — снега, метели.

На указателях мелькают необычные названия городков: Монахатан, Черокез, Мохавк. В этих краях когда-то обитали индейцы. Поворот налево. Поселок Джорданвилль. Еще один поворот. Машина выносится на пригорок — и впереди, блестя золотыми куполами, красавица церковь.

Мы у входа в Свято-Троицкий монастырь. За воротами монастыря течет многотрудная молитвенная жизнь.

Только что закончилась церковная служба. Все направились в трапезную на обед.

В металлических тарелках — овощной суп, консервированная кукуруза, хлеб. Меня пригласили к столу. Больше всего мне понравилась вареная картошка с запахом дыма (как позже выяснилось, еду здесь готовят в печи на дровах). Несмотря на множество едоков — человек сорок, — стук ложек по тарелкам не заглушал голоса, читающего "Жития святых". Во время двадцатиминутной трапезы никто не обронил ни слова.

— Таков порядок, — объяснил брат Андрей, который стал моим монастырским гидом. — Смотреть в тарелку соседа или разговаривать здесь не принято. Трапезная — это тоже церковь: здесь висят иконы, здесь мы молимся, слушаем "Жития".

— Но меню у вас хлипенькое...

— Сейчас пост, а во время поста мы себя ограничиваем в еде больше обычного: не едим рыбу и молочное. Кстати, некоторые продукты у нас собственные, монастырские: мед со своей пасеки, овощи с огорода, рыбу тоже сами ловим. Приезжай к нам летом, когда здесь очень красиво.

Монастырь зачинался в двадцатых годах прошлого столетия: в Советской России тогда преследовали священников и разрушали храмы, а за границей православное духовенство, покинувшее Родину вместе с Белым движением, объявило себя независимым от Московской патриархии. Русская православная Церковь раскололась тогда на так называемые "красную" и "белую". (Воссоединение произошло относительно недавно, в 2007 году. — Авт.)

Основатели монастыря — иеромонах Пантелеймон и регент-псаломщик Иосиф. Оба русины, родом с Волыни. Возможно, схожесть ландшафта Прикарпатья с ландшафтом на севере штата Нью-Йорк сыграла не последнюю роль в том, что Пантелеймон решил именно здесь основать монастырь. Может, ему понравилась уединенность этих мест, а может, ангел шепнул монаху, что среди этих холмов, недалеко от поселка Джорданвилль, возникнет самый крупный в США русский православный монастырь.

— Я, конечно, Пантелеймона уже не застал, — говорит Андрей. — Но те, кто постарше, его знали. Рассказывают, что человеком он был суровым, никто, однако, его не поминает худым словом. В последние годы жизни его мучили ужасные боли в позвоночнике, он ослеп, но никому не жаловался. Архимандриты Пантелеймон и Иосиф покоятся на этом кладбище рядом с братией.

— Странное кладбище — ни памятников, ни бюстов.

Перед нами — около тридцати белых деревянных крестов.

— Монаху тяжелый камень на могиле не нужен. Братия эти кресты подновляет, а вечером зажигает перед ними лампы.

Монастырь существует за счет издательской деятельности, продажи икон и на пожертвования. Здесь есть иконописная мастерская, типография, где издается и распространяется по всему миру (даже на Гаити) огромное количество церковной периодики. Здесь же и духовная семинария, выпускники которой становятся либо монахами, либо рукополагаются в священники и направляются в приходы по всему русскому зарубежью.

Сегодня в монастыре живут тридцать монахов, двадцать послушников и трудников. Как в Ноевом ковчеге, здесь собрались люди с различными судьбами, из разных стран и континентов — Америки, Европы, России, даже из Австралии. Обамериканившиеся русские и обрусевшие американцы. Одним еще нет двадцати, другие — девяностолетние старцы.

Постучаться в монастырскую дверь может каждый, пожелавший уйти от мира. Ему выделяют келью — живи, трудись, исполняй обеты. И неизвестно, сколько пройдет времени — год, два, пять, пока станет ясно, может ли человек совершить монашеский подвиг.

Порой сюда наведываются и фермеры из близлежащих поселков. Привозят продукты со своих ферм, помогают ремонтировать здания, оплачивают лечение монахов в госпиталях. А чем отвечает монастырь? Добрым словом, советом, молитвой за болящих.

— Не жалеешь, что выбрал церковный путь в жизни? — спрашиваю Андрея.

— Сомнения иногда приходят, но чтобы жалеть — никогда.

Андрей — из Подмоскovie, приехал сюда по студенческой визе, пять лет учился в семинарии. Закончив семинарию, остался в монастыре. Он — трудник, человек, живущий и работающий в монастыре и соблюдающий все его правила. Андрей еще не решил, станет монахом или нет. Вопрос этот глубоко личный и слишком сложный.

— Вы не боитесь в этой глуши безоружные жить?

— Нас Бог хранит. Заходи, — и Андрей открывает дверь своей кельи.

...В половине пятого утра в эту дверь раздается стук. Подъем. В пять часов все уже на службе. Потом завтрак и послушание: работа на кухне, на огороде, в типографии, на пасеке. Монастырь рабочий, дел неупророт. Потом обед, короткий отдых и снова работа до ужина. Вечерняя служба, и в восемь часов все расходятся по кельям.

— Кровать у тебя, брат Андрей, жестковатая.

— Я люблю на жестком спать. Я в келье только сплю и молюсь.

Напротив кровати стоит стол, рядом полки с книгами, встроенный шкаф для одежды. Обратил на себя внимание большой чемодан на колесиках возле кровати.

— Не скучаешь по дому?

— Скучаю. Особенно, когда получаю оттуда письма. Может, летом поеду повидаться с родными. Но ностальгии нет. Я нашел здесь Россию...

В эту келью может зайти духовник, благочинный или игумен монастыря. Живущий в келье должен соблюдать санитарные нормы общежития, но самое главное — нормы монашеские: избегать роскоши и комфорта.

— Наверное, выдержать такую жизнь очень трудно? — спрашиваю.

— Монахом человек сначала становится внутренне, потом внешне.

Из трапезной вышел странный человек: в огромных, не по размеру, валенках, в латаном пальто и в шапке-ушанке, одно не завязанное "ухо" которой болталось. В одной руке он нес посох, а в другой — пустое ведро.

— Ты не карпаторосс? — остановившись, спросил он у меня.

— Нет.

Он посмотрел мне прямо в глаза, вздохнул:

— А голова у тебя, дружок, не в порядке.

— Здравствуй, Левушка, — улыбнувшись, говорит ему Андрей.

Лев Павлинец называет себя москвичом, хотя родители вывезли его из Москвы в 1919 году в Сербию, когда ему был всего лишь год от роду. Его родители — люди благородного сословия — дали сыну начатки хорошего образования, но когда Левушке было десять лет, он переболел тяжелой болезнью. Выжил, но так и остался на всю жизнь — Левушкой.

Ему уже скоро девяносто. Левушку любят все в монастыре, особенно семинаристы. Летом порою он может наломать веток сирени и засунуть их себе под пиджак, чтобы быть похожим на куст. Он — монастырский дурачок, но... не так прост.

— Левушка, что самое главное в жизни? — спрашивает его Андрей.

— Вера в Бога и спасение.

— А как спастись?

Левушка смеется:

— Мячиком. Мячик катится по дороге и прикатится в Царствие Небесное, — ударив о землю посохом, он уходит.

Без Левушки Джорданвилль — не Джорданвилль. Левушка несет трудовые послушания по столовой, встречает паломников и заводит с ними разговор на излюбленные темы: про женитьбу, про то, что умер друг Полкан (собака), спрашивает, не карпаторосс ли имярек и так далее. Иногда произносит загадочные, только ему понятные фразы.

— Он под рубашкой носит несколько тяжелых крестов, — говорит Андрей, глядя Левушке вслед. — Ты о чем задумался?

— Да так... Меня мигрени замучили. А он сказал, что у меня голова не в порядке...

Сутки, как я в Джорданвилле. Всего лишь сутки. И вдруг ловлю себя на мысли, что множество как будто неотложных и важных дел, оставленных в Нью-Йорке: забота о хлебе насущном, многочисленные встречи, срочные телефонные звонки, сумасшедшая переписка по Интернету, отнимающая уйму времени, — зачем мне все это?! Суета сует, да и только.

Выходим за монастырские ворота. Под ботинками поскрипывает снежок. Входим в лес. Тишина. На поляне лежат еще не распиленные деревья и несколько вязанок дров. Впереди — озеро.

— А что это за палатка? — спрашиваю, показывая на странную синюю палатку на противоположном берегу озера.

— Летом сюда приезжал парень из Беларуси, жил один в этой палатке. Он приходил в монастырь только в церковь на службы и в трапезную обедать. Осенью

уехал, а палатку оставил — в следующем году собирается приехать сюда опять.

— Зачем же ему было жить одному в палатке? Ведь рядом — кирпичный братский корпус, гостиница для паломников. Он мог бы попросить, и ему бы наверняка разрешили пожить там.

— Этот парень посчитал, что ему нужно полное уединение, отшельничество.

— Но ведь так легко возомнить себя святым!

— В общем-то да. Хочешь, приведу пример настоящего смирения? Наш покойный игумен — митрополит Лавр, в свои восемьдесят лет мыл туалеты и душевые в братском корпусе. Об этом никто не знал, пока однажды ночью его случайно не увидел один семинарист... Сюда, в Джорданвилль, часто приходят люди с самыми, казалось бы, благородными порывами. Но порою случается, что кто-то разочаровывается в себе, в вере. Бывает, монахи уходят из монастыря в мир. Потом они опускаются на дно отчаянья, спиваются. Человек, желающий идти иноческим путем, и не подозревает, какие опасности его поджидают...

Саше девятнадцать лет. У него сильный американский акцент. Если бы не черная долгополая ряса, его легко можно было бы принять за американского студента. По происхождению он русский, по роду занятий семинарист. Но самое интересное, Саша — звонарь, и, как считают, звонарь от Бога. Он помнит, как пятилетним пацаном поднимался по лестнице на колокольню церкви в городе Ютика, где звонил в колокола его отец.

— Это нужно слышать, — Саша пытается объяснить премудрость своего искусства. Он выразительно жестикулирует и, ощущая ограниченные возможности слов, берет в руки канат, привязанный к языку большого колокола.

Мы стоим на самом верху колокольни. Морозный ветер обжигает лицо.

— Нужно ударить так, чтобы слышалось "бом-м-бам-м", а не "бам-м-бом-м". Улавливаете разницу?

— Еще бы.

— В большой колокол мы звоним двенадцать раз в году на самые главные праздники. А маленькими колоколами созываем на богослужения. Отливали колокола в Голландии, деньги жертвовало все русское зарубежье. Можно, конечно, нажать кнопку, чтобы по колоколам стучали электрические молоточки. Но это не по-русски. Нужно каждый колокол чувствовать, чтобы слышалось "бом-м-бам-м".

Саша становится на деревянную планку-педаль, хватается руками за веревки, привязанные к языкам колоколов. Над нами — один большой и три средних колокола, а на площадке выше — еще около двадцати маленьких, для перезвона.

— Сейчас здесь очень холодно, приходится надевать ушанку и валенки. Зато как

здорово плывет звук в морозном воздухе! — Саша легонько ударяет в колокол и замирает, прислушиваясь к уплывающему вдаль звуку.

— Ты тоже хочешь стать монахом?

— Нет. Пока учусь в семинарии, а закончу — женюсь и рукоположусь в дьяконы. Подвиг монаха, чувствую, не для меня.

Завелся мотор машины. Пора в Нью-Йорк. Поворот — и скрылись золотые купола. Снег перестал, из-за туч изредка выглядывает месяц.

Еще несколько дней здесь будет стоять мертвая тишина. А на Рождество к размеренным звукам большого колокола подключится веселый перезвон маленьких, благовествуя миру о Великом празднике...

2016 г.